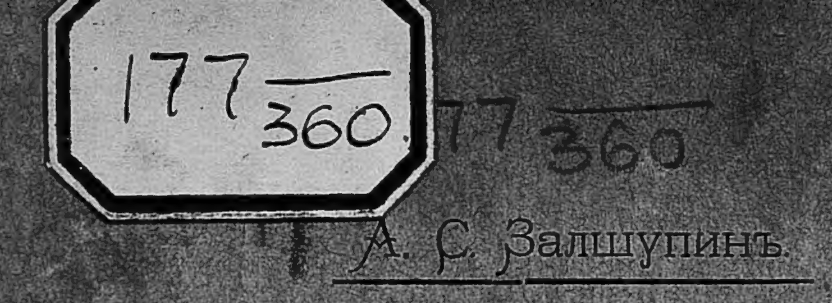

ВОПРОСЫ

БАНКОВОЙ ПОЛИТИКИ.

КЪ РЕФОРМѢ ДЕНЕЖНАГО ОБРАЩЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашевъ и Ко., Фонтанка, д. № 95.
1896.

А. С. Залшупинъ.

ВОПРОСЫ
БАНКОВОЙ ПОЛИТИКИ.

КЪ РЕФОРМѢ ДЕНЕЖНАГО ОБРАЩЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашевъ и Ко., Фонтанка, д. № 95.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Октября 1896 г.

Ce sont des genres de secours que je répudie. L'Etat et la Banque doivent être parfaitement indépendants l'un de l'autre. L'Etat ne doit pas être le débiteur de la Banque, ni la Banque l'obligée de l'Etat. Un Etat bien ordonné et qui a un crédit solidement établi, n'a aucun besoin, en temps ordinaire, de se rendre débiteur de la Banque. De même qu'il faut pour le crédit d'une Banque, qui est celui de tout le monde, qu'elle soit sévère envers le commerce en lui refusant les escomptes qui ne seraient pas mérités, il faut aussi qu'elle puisse résister au gouvernement et ne pas être la complice de ses entrainements".

Тьеръ.

ГЛАВА I.

Связь денежной реформы съ банковой политикой.

Вопросъ о реформѣ нашего денежнаго обращенія входитъ уже въ послѣднюю стадію своего развитія. Не далѣе какъ черезъ три-четыре мѣсяца бумажно-денежное обращеніе съ неразмѣнными кредитными билетами и рѣзкимъ колебаніемъ ихъ курса отойдетъ въ область прошлаго и трудно будетъ повѣрить, что почти полстолѣтія мы прожили при самыхъ ненормальныхъ условіяхъ денежнаго обращенія.

Какъ извѣстно выработанный въ 1895 г. „Проектъ исправленія денежнаго обращенія“ былъ внесенъ по Высочайшему повелѣнію на обсужденіе Финансового Комитета, а потомъ вмѣстѣ съ замѣчаніями послѣдняго представленъ весной текущаго года въ Государственный Совѣтъ, который посвятилъ этому проекту нѣсколько засѣданій въ весеннюю сессію, окончательное же

обсужденіе этого важного проекта состоится осенью настоящаго года.

Такова оффиціальная судьба проекта реформы нашего денежнаго обращенія. Но на ряду съ этимъ общество и печать приняли дѣятельное участіе въ обсужденіи задуманной министерствомъ финансовъ реформы. Газеты всѣхъ направленій и оттѣнковъ посвятили этому вопросу множество статей, принадлежащихъ перу извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ экономистовъ и финансистовъ.

Ученыя общества, въ свою очередь сочли своимъ долгомъ посвятить обсужденію этого вопроса нѣсколько засѣданій, во время которыхъ похвальные отзывы по адресу задуманной реформы чередовались рѣзкой критикой всего нашего финансового строя въ смыслѣ подготовленности къ воспріятію столь крупной реформы, затрогивающей имущественныя и трудовыя отношенія многомилліоннаго населенія.

Во время этихъ жаркихъ преній было выяснено очень многое, но вмѣстѣ съ тѣмъ теоретическимъ вопросамъ было отведено гораздо больше времени, чѣмъ вопросамъ практическимъ. Споры о моно — и биме-

тализмѣ, о значеніи бумажныхъ денегъ, торговомъ и платежномъ балансѣ и наконецъ разсужденія объ экономической обезпеченности населенія, его воспріимчивости и подготовленности къ реформѣ денежнаго обращенія - совершенно заслонили вопросы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ предмету спора и притомъ очень слабо разработанные даже въ самомъ министерскомъ представленіи. Объ этихъ вопросахъ говорится тамъ вскользъ, какъ будто они не могутъ вызывать никакихъ недоразумѣній и сомнѣній.

На самомъ же дѣлѣ правильное разрѣшеніе этихъ то вопросовъ обусловливаетъ успѣхъ предпринятой реформы. Мы говоримъ о связи денежной реформы съ банковой политикой. Это такой кардинальный вопросъ, что обходить его молчаніемъ въ то время, когда предпринимается столь крупная ломка существующихъ отношеній, основанныхъ на бумажно-денежномъ базисѣ, намъ кажется поменьшей мѣрѣ страннымъ.

Не надо углубляться въ исторію денежнаго обращенія Англіи, Франціи и Германіи, чтобы замѣтить, что тамъ вопросъ упорядоченія денежнаго обращенія былъ тѣсно

связанъ съ вопросами банковой политики. Связь эта была столь сильна, что европейскіе мыслители-экономисты не считали возможнымъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ раздѣльно. Въ самомъ дѣлѣ достаточно вспомнить знаменитый споръ, занимавшій лучшіе умы Англіи въ періодъ между 1819 г. и введеніемъ знаменитаго банковаго билля Роберта Пилля въ 1844 году. Споръ этотъ поддерживаемый курренсистами и ихъ противниками продолжался очень долго и послѣ того, какъ биль Р. Пилля успѣлъ оказать свое вліяніе на положеніе англійскаго денежнаго рынка.

Противники названнаго билля, знаменующаго собой эпоху въ исторіи банковой политики, не перестаютъ укзывать на его недостатки, но консерватизмъ англичанъ препятствуетъ имъ разстаться съ этимъ банковымъ актомъ, строгость котораго, впрочемъ, значительно смягчена послѣдующими событіями.

Какъ извѣстно начало настоящаго столѣтія и конецъ прошлаго не были особенно благопріятны для государственнаго кредита Англіи. Многочисленныя войны и континентальная система Наполеона I значи-

тельно ослабили рессурсы Англіи, вслѣдствіе чего пришлось прибѣгнуть къ общепризнанному государственному лекарству— къ услугамъ печатнаго станка. Не располагая самостоятельно такого рода удобнымъ орудіемъ, приходилось воздѣйствовать на эмиссіонные банки, билеты которыхъ вслѣдствіе этого ходили съ лажемъ, въ критическіе моменты достигавшимъ до 40%. Такое колебаніе курса денежныхъ знаковъ, служившихъ единственными орудіями обращенія, не могло не безпокоить англійское общество и правительство.

Послѣ долгаго обсужденія вопроса рѣшено было приступить къ леченію этого бумажно денежнаго недуга путемъ упорядоченія эмиссіонной операціи банковъ, — стѣсненія дѣятельности мелкихъ эмиссіонныхъ учрежденій, сосредоточивъ эту важную операцію въ рукахъ привиллегированнаго Англійскаго банка. Результатомъ этой работы и явился знаменитый актъ Р. Пиля 1844 года. Какъ мы уже указали выше этому предшествовалъ ожесточенный споръ между выдающимися экономистами того времени, причемъ восторжествовала партія курренсистовъ, признающихъ, что банковые

билеты -- это тѣже деньги что и золотая монета, что поэтому съ увеличеніемъ ихъ числа въ обращеніи возвышается цѣна всѣхъ товаровъ и наоборотъ. Число выпускаемыхъ въ обращеніе банковыхъ билетовъ подлежитъ строгому ограниченію и, по мѣрѣ отлива изъ страны золота, торговые обороты должны быть сокращаемы, за недостаткомъ орудій обращенія, служащихъ этимъ оборотамъ. Контингентъ могущихъ быть въ обращеніи непокрытыхъ банковыхъ билетовъ установляется разъ навсегда. Такая система была положена въ основаніе банковаго акта Р. Пиля. Англійскому банку предоставлена была привиллегія производства банковыхъ операцій въ районѣ, охватываемомъ радіусомъ въ 60 миль отъ Лондона, въ остальныхъ уголкахъ Англіи были оставлены мелкіе банки съ правомъ выпуска билетовъ, до опредѣленнаго размѣра. Число имѣющихся въ обращеніи непокрытыхъ банковыхъ билетовъ не должно превышать 14 мил. ф. ст., которые вмѣстѣ съ золотомъ, находящимся въ обращеніи и въ кассахъ англійскаго банка и составляютъ весь контингентъ мѣновыхъ знаковъ; съ нимъ англійскому банку приходится со-

образоваться при открытіи кредитовъ. Если, вслѣдствіе отлива золота, количество орудій обращенія сокращается, Банкъ прибѣгаетъ къ искусственной мѣрѣ—увеличенію учетнаго процента до такой нормы, чтобы пользованіе ссудой оказалось невыгоднымъ для торговли. При этихъ условіяхъ торговая дѣятельность страны подвержена рѣзкимъ колебаніямъ, такъ какъ никогда нельзя разсчитать, во что обойдется необходимый для оборотовъ кредитъ. Въ этой неопредѣленности кроется Ахиллесова пята банковаго акта Р. Пиля. На это указывали противники этого акта и ихъ доводамъ нельзя отказать въ основательности. Сама жизнь доказала несостоятельность принциповъ, положенныхъ въ основаніе банковаго акта 1844 года, такъ какъ англійскому банку впослѣдствіи пришлось увеличить число непокрытыхъ банковыхъ билетовъ до 16,2 мил. ф. ст.

Возникновеніе французскаго банка въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія обусловлено крайнимъ разстройствомъ денежного обращенія Франціи.

Революція и многочисленныя войны, веденныя Франціей въ концѣ XVIII вѣка, до

того ослабили ея финансовое положеніе, что пришлось прибѣгнуть къ выпуску ассигнацій, число которыхъ росло неимовѣрно быстро. Страна была переполнена обезцѣненными бумажными деньгами до того, что за стаканъ кофе приходилось платить 3000 фр., а пара сапогъ цѣнилась не ниже 30.000 франковъ на ассигнаты.

При такихъ финансовыхъ условіяхъ приходилось Наполеону думать о своихъ будущихъ завоеваніяхъ и о всемірной монархіи.

Учрежденный въ 1800 году Banque de France, успѣлъ въ очень короткое время заслужить довѣріе публики и правительства образцовымъ веденіемъ своихъ дѣлъ и, хотя онъ не пользовался никакими привиллегіями по выпуску банкнотовъ, тѣмъ не менѣе онъ вскорѣ пріобрѣлъ значеніе центральнаго банка и уже въ 1806 г. сдѣлался привиллегированнымъ учрежденіемъ при могущественномъ вліяніи на его дѣла правительства, которое назначало управляющаго и двухъ его помощниковъ. Вплоть до 1848 г. французскій банкъ пользовался полной свободой относительно выпуска банковыхъ билетовъ, причемъ даже въ банковомъ законѣ, опредѣляющемъ его привиллегію, не установлена

была предѣльная норма могущихъ быть въ обращеніи непокрытыхъ банковыхъ билетовъ. Только во время политическихъ замѣшательствъ 1848 г. установленъ былъ предѣлъ для выпуска въ 350 мил., который потомъ былъвозвышенъ до 525 мил. фр.

Тяжелыя событія 1870 г. привели къ необходимости выпуска банкнотовъ для военныхъ надобностей на сумму до $1^1/_2$ милліардовъ; это повлекло за собой временное пріостановленіе размѣна, но не смотря на это, банкъ легко выпутался изъ этого затруднительнаго положенія, благодаря громадному довѣрію, какую къ нему питаетъ французскій народъ.

Послѣ франко-прусской войны торжествующая Германія принялась за внутреннее строеніе своего штыкомъ и желѣзомъ объединеннаго государства. Полученныя пять милліардовъ контрибуціи дали ей возможность урегулировать свою денежную систему и своимъ переходомъ къ золотому монометализму она способствовала въ значительной степени демонетизаціи серебра на всемъ континентѣ Европы.

Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе этого обширнаго вопроса о выборѣ металла

для монеты, мы хотимъ только указать, что въ тѣсной связи съ монетной реформой стоялъ вопросъ о банковой политикѣ и объ эмиссіонной операціи.

Въ началѣ 70-хъ годовъ въ нѣмецкой экономической литературѣ загорѣлась полемика по вопросу объ эмиссіонной операціи и способа ея организаціи. На первый планъ былъ выдвинутъ интересовавшій Англію въ 30-хъ и 40-хъ годахъ вопросъ объ экономическомъ значеніи банковыхъ билетовъ, вліяніи ихъ на цѣны и т. п. Принципы банкового акта Р. Пиля встрѣтили серьезную оппозицію въ лицѣ извѣстнаго экономиста Адольфа Вагнера, который въ своемъ капитальномъ трудѣ System der Zettelbankpolitik доказалъ полную несостоятельность теоріи курренсистовъ.

Стремленіе къ политическому единству привело къ тому, что имперское правительство пожелало объединить Германію и въ отношеніи денежныхъ знаковъ, отличавшихся большимъ разнообразіемъ, такъ какъ въ Германіи существовали 33 самостоятельныхъ эмиссіонныхъ банка. Дѣятельность этихъ послѣднихъ была стѣснена въ значительной степени банковымъ закономъ 14 Марта

1875 г., согласно кототорому учрежденъ былъ Германскій Имперскій банкъ съ основнымъ акціонернымъ капиталомъ въ 120 мил. марокъ. Оставшіеся нетронутыми мелкіе эмиссіонные банки, въ числѣ 32, имѣли право выпускать непокрытыхъ банковыхъ билетовъ всего на сумму 135 мил. мар., въ то время какъ Имперскому банку этотъ выпускъ былъ разрѣшенъ на сумму въ 250 мил. м. Вслѣдствіе могущественнаго значенія, которое занялъ Имперскій банкъ, а отчасти, благодаря централистическимъ стремленіямъ политики князя Бисмарка, къ 1891 г. 24 мелкихъ эмиссіонныхъ банка отказались отъ своего эмиссіоннаго права, причемъ принадлежавшее имъ право выпуска непокрытыхъ банковыхъ нотъ перешло къ Имперскому банку, который въ настоящее время можетъ выпустить такихъ банковыхъ нотъ на сумму 292 мил. мар.

При обсужденіи банковой реформы 1875 года вопросъ о контигентированіи выпуска банковыхъ нотъ вызвалъ очень горячую полемику, причемъ принципы банковаго акта Р. Пиля были подвергнуты серьезной критикѣ. Результатомъ такого теченія преній было то, что германскій рейхстагъ отсту-

пилъ отъ теорiи курренсистовъ и допустилъ свободный выпускъ банковыхъ билетовъ, обезпеченныхъ $^1/_3$ золотомъ, остальные $^2/_3$ должны быть обезпечены краткосрочными благонадежными векселями. Сумма непокрытыхъ наличностью банкнотъ не должна превышать 292 мил.; съ излишка противъ этой нормы взыскивается 5% сборъ въ пользу казны. Установленiемъ 5% сбора съ излишне выпущенныхъ банковыхъ билетовъ имѣлось въ виду сдерживать банкъ отъ злоупотребленiя эмиссiонной операцiей для спекулятивныхъ цѣлей, такъ какъ, при необходимости уплаты 5% сбора, банкъ рѣшится на выпускъ только тогда, когда по состоянiю денежнаго рынка онъ можетъ помѣстить выпущенные ноты, за ссудный процентъ гораздо высшiй, чѣмъ онъ самъ уплачиваетъ въ видѣ государственнаго сбора, или когда банкъ пожелаетъ съ убыткомъ для себя устранить неблагопрiятныя условiя денежнаго рынка. Эта поправка, внесенная въ систему контингентированнаго выпуска банковыхъ билетовъ, сдѣлала то, что Имперскому банку не приходится прибѣгать къ рѣзкому измѣненiю своего учетнаго процента въ моменты кризиса.

Изъ краткаго и далеко неполнаго изложенія принциповъ, положенныхъ въ основаніе эмиссіонной операціи въ трехъ крупныхъ банкахъ Англіи, Франціи и Германіи, ясно видно, что вопросы денежнаго обращенія стоятъ въ неразрывной связи съ вопросами банковой политики, что невозможно думать объ исправленіи денежнаго обращенія и упроченіи валюты безъ соотвѣтственной реформы банковаго дѣла. Если въ этихъ странахъ денежное обращеніе стоитъ прочно, не подвергаясь никакимъ колебаніямъ, то въ этомъ заслуга банковой политики, поэтому и у насъ вопросы банковой политики пріобрѣтаютъ серьезное значеніе теперь, когда Министерство Финансовъ нашло возможнымъ приступить къ реформѣ нашего денежнаго обращенія и избавить страну отъ бумажныхъ денегъ — этого „сладкаго яда" нашихъ финансовъ, по мѣткому выраженію графа Канкрина.

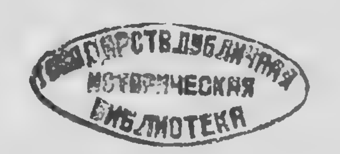
ГЛАВА II.

Старый и новый уставы Государственнаго Банка.

Не далѣе какъ два года тому назадъ нашъ Государственный банкъ былъ подвергнутъ реформѣ, въ значительной степени расширившей кругъ его дѣятельности. Законъ 6 Іюня 1894 г. поставилъ это крупное кредитное учрежденіе на такую высоту въ смыслѣ развитія его операцій, что раздававшіяся прежде жалобы на то, что Государственный банкъ не оказываетъ поддержки сельскому хозяйству и промышленности, должны въ настоящее время совершенно умолкнуть. Составители новаго устава сдѣлали все возможное, чтобы разлить блага кредита на всѣ отрасли хозяйственной жизни; тутъ ничего не было забыто; ни сельское хозяйство, которому было предоставлено въ широкихъ размѣрахъ пользованіе соло-вексельнымъ кредитомъ, ни хлѣбная торговля,—которая поощрялась выдачей ссудъ подъ

хлѣбъ, хранящійся въ амбарахъ, ни, наконецъ фабрично-заводская промышленность, для которой существуютъ особаго рода промышленныя ссуды, поощряющія всякую предпріимчивость. Не забыта также мелкая промышленность, для которой выработано осо бое положеніе о мелкомъ кредитѣ, стоящее въ тѣсной связи съ дѣятельностью агентствъ государственнаго банка. Однимъ словомъ новый уставъ Государственнаго банка имѣлъ въ виду путемъ широкаго и доступнаго кредита разлить благоденствіе и счастье по лицу русской земли,—споспѣшествовать ея матеріальному и нравственному преуспѣянію.

Кто слѣдилъ за дѣятельностью Государственнаго банка послѣ изданія новаго устава, тотъ не могъ не замѣтить, что банкъ выполнялъ возложенную на него задачу вполнѣ добросовѣстно и если его можно въ чемъ либо упрекнуть, то только не въ излишней сдержанности при выполненіи возложенныхъ на него новыхъ обязанностей. Сельское хозяйство и промышленность поддерживались, благодаря широко открытымъ кредитамъ подъ хлѣбъ и всякаго рода фабрично-заводскія предпріятія, соло-векселя помѣщиковъ встрѣчали радушный пріемъ со стороны админи-

страціи банка, а долгосрочные коммерческіе векселя въ значительной степени возросли, сравнительно съ прежними годами.

Со времени введенія новаго устава Государственнаго банка прошло мало времени, поэтому трудно еще пока судить о его вліяніи на ходъ экономической жизни страны. Нѣтъ сомнѣнія, что такая политика можетъ отразиться вполнѣ благотворно на нашей промышленности и торговлѣ и въ интересахъ экономическаго развитія страны было бы желательно возможно болѣе продолжительное поддержаніе и развитіе тѣхъ началъ, которыя были положены въ основаніе новаго устава, съ одной стороны, и упроченіе тѣхъ принциповъ, которыхъ придерживаетея наше финансовое вѣдомство въ дѣлѣ банковой политики, съ другой.

Это благотворное вліяніе банка на ходъ нашей экокомической жизни могло бы продолжаться впредь если бы ему не грозилъ врагъ, явившійся изъ нѣдръ самого финансоваго вѣдомства въ образѣ„ Проекта исправленія денежнаго обращенія“, который въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра, ожидающаго съ нетерпѣніемъ результата ра-

ботъ нашего высшаго законосовѣщательнаго учрежденія, гдѣ въ скоромъ времени приступлено будетъ къ детальному разсмотрѣнію этого проекта.

Что же спрашивается мѣшаетъ, или лучше сказать, будетъ мѣшать Государсвенному Банку продолжать свою плодотворную дѣятельность на пользу отечественной промышленности сельскаго хозяйства? Почему введеніе столь желательной и крупной реформы, какъ упроченіе валюты, должно кореннымъ образомъ измѣнить характеръ дѣятельности Государственнаго Банка?.

Ниже мы коснемся подробнѣе задачъ эмиссіонныхъ банковъ и круга ихъ дѣятельности, теперь же остается замѣтить, что, съ введеніемъ у насъ металлическаго обращенія, возлагаются на Государственный Банкъ новыя обязанности, кореннымъ образомъ измѣняющія характеръ его дѣятельности.

Согласно §. 1 Устава 6 Іюня 1894 г. „Государственный Банкъ имѣетъ цѣлью облегченіе денежныхъ оборотовъ, содѣйствіе посредствомъ краткосрочнаго кредита отечественной торговлѣ, промышленности и сельскому хозяйству, а также упроченіе кредитной системы“.

Не надо прибѣгать къ широкимъ толкованіямъ, чтобы уяснить себѣ цѣль, преслѣдуемую новымъ уставомъ банка. Его задача состоитъ въ содѣйствіи отечественной торговлѣ, промышленности и сельскому хозяйству путемъ краткосрочнаго кредита, причемъ понятію „краткосрочнаго кредита“ приданъ совершенно другой смыслъ, чѣмъ это принято во всѣхъ учрежденіяхъ краткосрочнаго кредита. Достаточно указать на существованіе 12 мѣсячныхъ векселей и на промышленныя ссуды, выдаваемыя на срокъ до 3-хъ лѣтъ, чтобы убѣдиться, что Государственный Банкъ далеко отличается, по разнообразію своихъ операцій, отъ другихъ центральныхъ банковъ. Насколько составители новаго устава хотѣли подчеркнуть это различіе нашего Государственнаго Банка отъ другихъ центральныхъ банковъ можно видѣть изъ того, что они замѣнили слова § 1 устава 1860 г. упроченіе *денежной* кредитной системы просто словами „упроченіе кредитной системы“, что указываетъ на стремленіе изъять изъ области Государственнаго банка вопросы денежнаго обращенія.

Въ то время какъ по уставу 1860 г. упроченіе *денежной* кредитной системы считалось

коренной задачей Банка, новый уставъ стремился, вѣроятно въ интересахъ торговли и промышленности, освободить Государственный Банкъ отъ этой обязанности, направивъ его вниманіе на расширеніе кредита даже не исключительно краткосрочнаго, вопреки общепринятой терминологій, согласно которой подъ краткосрочнымъ кредитомъ слѣдуетъ понимать выдачу ссудъ на срокъ не долѣе 6 мѣсяцевъ подъ обезпеченіе торговыхъ векселей и другихъ легко реализуемыхъ цѣнностей.

Въ настоящее время, послѣ того, какъ новый уставъ Государственнаго Банка едва только сталъ дѣйствовать, жизнь выдвигаетъ необходимость новой его реформы.

По странной игрѣ судьбы подъ реформой у насъ не всегда слѣдуетъ понимать переходъ къ чему либо новому, ранѣе неизвѣстному, а наоборотъ, нерѣдко съ понятіемъ реформы связанъ возвратъ къ прежнему.

Въ такомъ именно положеніи находимся мы теперь при обсужденіи вопроса о новой реформѣ Государственнаго Банка, обусловленной переходомъ къ металлическому обращенію.

При обсужденіи проекта новаго устава банка, бывшій его управляющій, Е. И. Ламанскій, высказался противъ необходимости реформы, указывая на то, что „за первую четверть вѣка своего существованія, Банкъ блестяще и можно сказать безпримѣрно быстрѣе, нежели всѣ западно-европейскіе банки, выполнилъ чрезвычайно трудную обязанность, чѣмъ оказалъ громадную услугу государственному и частному кредиту, какъ внутри отечества такъ и заграницей: онъ создалъ почву для правильнаго помѣщенія внутреннихъ займовъ, ввелъ въ коммерческіе обычаи пользованіе текущими счетами и чеками, широко развилъ учетную операцію какъ у себя и въ своихъ конторахъ, такъ и въ различныхъ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, возникновенію и упроченію коихъ онъ содѣйствовалъ путемъ поощренія и поддержки, напримѣръ, въ обществахъ взаимнаго кредита и другихъ. Экономическая жизнь шла впередъ, торговые и промышленные обороты приняли грандіозные размѣры, но Государственный Банкъ не встрѣчалъ и не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій со стороны устава для выполненія своихъ обязанностей. Если онъ и не

достигъ возстановленія размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, то въ значительной степени успѣлъ упрочить денежную систему; со времени существованія Банка, какъ особаго государственнаго учрежденія, выпускъ кредитныхъ билетовъ потерялъ характеръ способовъ Государственнаго Казначейства къ покрытію государственныхъ дефицитовъ; если же и были выпуски кредитныхъ билетовъ, то они всегда дѣлались подъ торговое или государственное обезпеченіе и являлись временными, подлежавшими погашенію въ недалекомъ будущемъ, чего нельзя сказать о выпускахъ тѣхъ же билетовъ до 60-хъ годовъ.

Что-же послужило основаніемъ для пересмотра дѣйствующаго устава Государственнаго Банка?

Въ представленіи къ проекту новаго устава сказано, что основанія эти заключались: во 1-хъ въ томъ, что „поставленная Банку задача оживлять торговые обороты страны понималась имъ въ тѣсномъ и слишкомъ узкомъ смыслѣ“, что онъ содѣйствовалъ преимущественно развитію торговаго кредита, но не кредита промышленнаго въ широкомъ смыслѣ слова, включая сюда и

кредитъ сельско-хозяйственный..., что онъ облегчалъ кредитъ для торговыхъ оборотовъ съ готовыми цѣнностями, но не ставилъ себѣ задачей облегченія кредита для производства новыхъ цѣнностей, (кредитъ содѣйствуетъ перемѣщенію цѣнностей, но не есть факторъ производства и не можетъ создавать новыхъ пѣнностей); во 2-хъ что торговый кредитъ получаетъ одностороннее (?) направленіе, выражаясь почти исключительно въ формѣ учета торговыхъ векселей... ссуды же землевладѣльцамъ и товарныя представляли обороты, сравнительно совершенно незначительные; въ 3-хъ въ ограниченности средствъ банка и въ 4-хъ въ нѣкоторыхъ недостаткахъ организаціи его управленія.

Всѣ эти „недостатки" по мнѣнію Е. И. Ламанскаго, могли бы быть устранены или инструкціоннымъ порядкомъ или путемъ изданія нѣкоторыхъ дополнительныхъ законоположеній, какъ это было сдѣлано въ 1884 г. относительно учета въ Банкѣ соловекселей, выдаваемыхъ землевладѣльцами.

Коренная ломка устава 1860 г., въ смыслѣ измѣненія его самостоятельности и постановки его въ тѣсной связи съ финансовымъ вѣдомствомъ, представляется еще болѣе

опасной и нежелательной, такъ какъ это обстоятельство подрываетъ окончательно довѣріе къ государственному кредиту Россіи. Изъ вышеприведенной характеристики устава 1860 г., сдѣланной Е. И. Ламанскимъ, видно, что этотъ уставъ болѣе соотвѣтствовалъ той задачѣ, которую долженъ преслѣдовать всякій центральный банкъ. По компетентному заявленію Е. И. Ламанскаго прототипомъ устава 1860 г. былъ уставъ французскаго банка безъ участія акціонеровъ.

Совершенно другія цѣли преслѣдовалъ новый уставъ 1894 г. Выше мы уже отмѣтили существенныя черты, отличающія его отъ устава 1860 г. При введеніи новаго устава, очевидно, была совершенно упущена изъ виду, что рано или поздно придется приступить къ реформѣ денежнаго обращенія, что эта реформа не можетъ не стоять въ тѣсной связи съ банковой политикой.

Существеннымъ недостаткомъ устава 1860 г., по мнѣнію составителей, новаго устава было то, что онъ содѣйствовалъ преимущественно развитію торговаго кредита, но не кредита промышленнаго и сельскохозяйственнаго, что онъ не ставилъ

себѣ задачей облегченіе кредита для новыхъ цѣнностей и что торговый кредитъ получилъ одностороннее направленіе, выражаясь исключительно въ формѣ учета торговыхъ векселей.

Этотъ арсеналъ обвиненій имѣлъ бы серьезное значеніе, если бы Государственный Банкъ отказался всецѣло отъ исполненія функцій центральнаго банка, если бы онъ задался цѣлью восполнить пробѣлы, оставляемые частными и общественными кредитными учрежденіями. Но при всемъ желаніи составителей новаго устава—навязать Государственному Банку такую роль, онъ все таки остается центральнымъ банкомъ и всѣ попытки умалить его значеніе, какъ регу ятора денежнаго обращенія страны ни къ чему не привели.

Съ введеніемъ металлическаго обращенія естественно до женъ отпасть тотъ балластъ операцій, который былъ нагроможденъ въ уставѣ 1894 г.,

Въ представленномъ нынѣ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта „Проектѣ исправленія денежнаго обращенія" отношенія Государственнаго Банка къ Государственному Казначейству по вопросу о вы-

пускѣ кредитныхъ билетовъ выражены вполнѣ ясно и опредѣленно: 1) Выпускъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ ввѣряется Государственному Банку; все количество выпущенныхъ билетовъ включается въ пассивъ Банка; засчетъ государственнаго казначейства билеты не выпускаются. 2) Счетъ размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ закрывается и самый фондъ полностью причисляется къ золотой наличности Банка; безпроцентный долгъ казначейства за кредитные билеты въ суммѣ 350 мил. р. включается въ активъ банка. Министръ финансовъ обязанъ озаботиться объ окончательномъ погашенiи сего долга по мѣрѣ свободныхъ средствъ государственнаго казначейства. 3) Золотая наличность банка исчисляется на рубли въ золотой монетѣ новаго чекана. Пока не достигнута общая сумма 1.100 мил. р. количество выпущенныхъ билетовъ можетъ въ два раза превышать общую стоимость золотой наличности банка; дальнѣйшее за симъ увеличенiе обращенiя билетовъ допускается лишь при соотвѣтственномъ увеличенiи золотой наличности рубль за рубль". При такой организацiи эмиссiонной операцiи, Государственный

Банкъ пріобрѣтаетъ значеніе центральнаго эмиссіоннаго банка подобно англійскому, французскому и германскому банкамъ, съ той только разницей, что акціонерный элементъ замѣненъ исключительнымъ участіемъ правительства въ образованіи складочнаго капитала. Если вышеприведенныя правила получатъ санкцію закона, то нынѣ существующіе въ обращеніи кредитные билеты будутъ имѣть значеніе банковыхъ билетовъ (банкнотовъ) и наше денежное обращеніе будетъ всецѣло построено на началахъ, принятыхъ въ западно-европейскихъ эмиссіонныхъ банкахъ. Количество не покрытыхъ золотомъ кредитныхъ билетовъ установляется въ двойномъ размѣрѣ противъ имѣющейся въ кассахъ банка наличности. Такимъ образомъ, если въ кладовой банка окажется 600 мил. рублей золотомъ, то въ обращеніи можетъ быть 1.150 милліоновъ рублей кредитныхъ. Само собой разумѣется, что непокрытые золотомъ кредитные билеты на сумму 550 мил. рублей тоже будутъ имѣть извѣстное покрытіе въ портфелѣ банка, какъ это принято въ западно-европейскихъ банкахъ, гдѣ допускается даже покрытіе золотомъ не на половину, но на 1/3

и даже $^1/_4$. Дальнѣйшее уменьшенiе золотыхъ запасовъ даже до $^1/_6$ тоже не представляетъ опасности для эмиссiонныхъ банковъ, такъ какъ остальная часть вполнѣ обезпечена краткосрочными векселями и легко реализуемымъ портфелемъ.

Если западно-европейскiе банки, исключая англiйскаго, допускаютъ обращенiе не покрытыхъ золотомъ банковыхъ билетовъ въ пропорцiи значительно большей, чѣмъ это проектируется у насъ, то это является результатомъ принятой тамъ банковой политики. Центральные эмиссiонные банки западной Европы не задаются такими широкими задачами, къ какимъ стремится уставъ 6 Iюня 1894 г.

Съ точки зрѣнiя западно-европейской банковой практики было бы страннымъ предполагать, что центральный эмиссiонный банкъ, въ родѣ нашего Государственнаго Банка, будетъ стремиться облегчить кредитъ для созданiя новыхъ цѣнностей путемъ выдачи долгосрочныхъ ссудъ для устройства промышленныхъ заведенiй, или станетъ помѣщать свою наличность въ ссудахъ подъ товары, биржевая цѣна которыхъ подвержена серьезнымъ колебанiямъ, или еще

лучше, если средства банка будутъ затрачиваться въ долгосрочныя ссуды, какъ это принято у насъ, гдѣ государственные дворянскій и крестьянскій банки свободно пользуются наличностью Государственнаго Банка для своихъ текущихъ расходовъ.

При такой банковой политикѣ, выпускъ банковыхъ билетовъ, даже въ двойномъ размѣрѣ противъ золотой наличности, представляетъ серьезную опасность, такъ какъ банковый портфель, состоящій изъ долгосрочныхъ векселей, изъ соло-векселей землевладѣльцевъ, изъ квитанцій элеваторовъ и даже частныхъ амбаровъ, гдѣ хранится заложенный въ банкѣ хлѣбъ, и наконецъ изъ всякого рода другихъ обязательствъ землевладѣльцевъ, промышленниковъ и даже просто прожектеровъ—не можетъ служить обезпеченіемъ для выпущенныхъ въ обращеніе банковыхъ билетовъ.

При малѣйшемъ замѣшательствѣ на денежномъ рынкѣ, уже не говоря о какихъ либо серьезныхъ явленіяхъ политической или экономической жизни, банковые билеты будутъ предъявлены къ размѣну, а банкъ, помѣстившій свою наличность въ трудно реализуемыя цѣнности, окажется въ очень

затруднительномъ положеніи. Допустимъ, что ему удастся какъ нибудь обернуться и устранить серьезную панику, но во всякомъ случаѣ это не упрочитъ довѣрія къ банку, между тѣмъ безъ такого довѣрія не можетъ существовать ни одно кредитное учрежденіе.

Въ смыслѣ подготовленности къ введенію металлическаго обращенія, уставъ 1860 года далеко превосходитъ нынѣ дѣйствующій, такъ какъ дореформенный Государственный Банкъ, болѣе чѣмъ нынѣшній, напоминалъ собою центральный эмиссіонный банкъ западно-европейскаго типа. Онъ не задавался невыполнимыми для крупнаго банка задачами—войти въ непосредственное сношеніе съ самыми мелкими кліентами, вполнѣ понимая, что нѣтъ никакой физической возможности соединить въ одномъ учрежденіи всѣ разнообразныя кредитныя операціи. Онъ не стремился къ поощренію промышленности путемъ долгосрочныхъ промышленныхъ ссудъ, предоставляя эту отрасль кредита спеціальнымъ промышленнымъ банкамъ. Быть можетъ Государственный Банкъ, дѣйствовавшій по уставу 1860 г., понималъ свою задачу — оживленія торговыхъ оборотовъ страны „въ тѣсномъ и слишкомъ узкомъ

смыслѣ, содѣйствуя лишь развитію торговаго кредита, но за то онъ способствовалъ созданію около тысячи всякого рода кредитныхъ учрежденій, которыя въ различныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества выполняютъ свое дѣло.

Мы далеко не поклонники частныхъ банковъ, но тѣмъ не менѣе не можемъ не признать, что безъ нихъ страна обходиться не можетъ. Государственный Банкъ при всей его грандіозности и при массѣ его конторъ, отдѣленій и агентствъ, не въ состояніи, вслѣдствіе свойственной всякому правительственному учрежденію тяжеловѣсности, неповоротливости войти въ коммерческія сношенія даже со своими постоянными кліентами. Хотя услуги частныхъ банковъ обходятся дороже, но за то они лучше и удобнѣе приноровливаются къ коммерческсму строю и къ нуждамъ своихъ кліентовъ.

Крупному центральному банку не подобаетъ снисходить до того, чтобы оказывать мелкія услуги кліентамъ. Онъ не можетъ завязать съ ними тѣсныхъ сношеній, а принужденъ дѣйствовать черезъ посредство частныхъ и общественныхъ банковъ.

Упрекъ, сдѣланнный уставу 1860 г. со

стороны составителей нынѣ дѣйствующаго устава былъ совсѣмъ незаслуженный. „Существуетъ цѣлый рядъ дилетантствующихъ теоретиковъ, говоритъ Л. Бамбергеръ, которые полагаютъ, что задача крупныхъ центральныхъ банковъ состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать всѣмъ и всякому путемъ кредита. Они думаютъ, что крупные банки закрыты для средняго человѣка и служатъ исключительно крупной промышленности, обладая каменнымъ сердцемъ для скромныхъ и среднихъ людей. Но дѣло въ томъ, что крупные банки не должны оказаться несостоятельными, такъ какъ отъ этого страдаютъ всѣ какъ мелкіе, такъ и крупные. Нѣтъ спора, что мелкіе кліенты большею частью солидны, но нужно умѣть отличать солиднаго и несолиднаго и чѣмъ шире кругъ кліентовъ, тѣмъ это становится труднѣе. Тутъ то на сцену выступаетъ раздѣленіе труда между центральнымъ банкомъ и связанными съ нимъ частными банками и банкирскими домами. Въ этомъ взаимодѣйствіи крупнаго и мелкихъ банковъ не малую роль играютъ народные банки. И гдѣ то или другое посредничество между мелкими кліентами и центральнымъ банкомъ

установилось, тамъ этотъ послѣднiй скорѣе всего оказываетъ услуги мелкому люду *).

Приведенныя слова извѣстнаго знатока банковаго дѣла служатъ лучшимъ возраженiемъ на упреки, направленные по адресу устава 1860 г.

---

*) Ludwig Bamberger. Die Zettelbank vor dem Reichstag, p. 87.

ГЛАВА III.

Государственное Казначейство и Государственный Банкъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ банковой политики—это вопросъ объ отношеніи Государственнаго Казначейства къ Государственному Банку. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что въ исторіи банковой политики Европы этотъ вопросъ имѣлъ первенствующее значеніе и въ зависимости отъ него устанавливался тотъ или другой типъ банковой организаціи. Упроченіе почти во всей Западной Европѣ акціонернаго типа эмиссіонныхъ банковъ объясняется исключительнымъ желаніемъ оградить центральные банки отъ вмѣшательства въ банковое дѣло органовъ фиска. Не должно однако думать, что это стремленіе центральныхъ европейскихъ банковъ—стать въ независимое положеніе отъ казначействъ, исключаетъ возможность стро-

гаго правительственнаго надзора и даже прямаго участія правительства въ дѣлахъ банка. Было-бы грубой ошибкой отожествлять въ данномъ случаѣ казначейство съ правительствомъ вообще.

Не смотря на то, что въ Германіи Имперскій Банкъ (Reichsbank) находится почти всецѣло въ рукахъ правительства, такъ какъ онъ управляется чиновниками, назначенными Правительствомъ и предсѣдателемъ Совѣта Банка состоитъ германскій канцлеръ, тѣмъ не менѣе онъ вполнѣ самостоятеленъ и независимъ отъ Государственнаго Казначейства, которое не можетъ пользоваться средствами банка для своихъ надобностей.

Такимъ образомъ мы видимъ, что строгій контроль правительства, въ лицѣ нефискальныхъ его органовъ, ничуть не исключаетъ независимости банка, если при этомъ онъ дѣйствуетъ согласно своему уставу. Эмиссіонный банкъ, будь онъ акціонерный или государственный, можетъ потерять свою самостоятельность лишь тогда, когда Государственное Казначейство имѣетъ вліяніе на ходъ операцій банка и черпаетъ изъ его средствъ щедрой рукой, въ то время какъ, при отсутствіи этого источника, (бан-

ка) оно могло бы легко изыскать другія средства. Для примѣра приведемъ финансовую политику графа Канкрина, который былъ противникомъ государственныхъ займовъ и предпочиталъ пользоваться вкладами, хранившимися въ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ для государственныхъ надобностей. Не будь этого источника, изъ котораго можно было черпать необходимыя средства безъ всякого труда, графъ Канкринъ легко могъ бы найти другія способы, еслибы прибѣгъ къ займамъ, которыя могли быть заключаемы въ то время безъ особеннаго затрудненія для Государственнаго Казначейства. Впослѣдствіи, когда потребность въ заключеніи займовъ, по случаю требованія возврата вкладовъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, сдѣлалась настоятельной, поиски за деньгами уронили сильно государственный кредитъ не только на заграничномъ, но и на внутреннемъ рынкахъ.

Самостоятельность Государственнаго Банка опять таки не исключаетъ возможности со стороны государственнаго казначейства временного заимствованія изъ банка въ то время, когда оно особенно нуждается въ

денежныхъ средствахъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ въ экстренныхъ случаяхъ, но съ тѣмъ, чтобы эти временныя заимствованія были покрыты тотчасъ же при первой возможности. Такъ, напр. французскій банкъ, несмотря на то что онъ акціонерный, оказалъ помощь французскому правительству въ 1871 году, выдавъ послѣднему изъ своихъ оборотныхъ средствъ около 1½ милліарда, и реализовавъ вслѣдъ затѣмъ болѣе чѣмъ на 3 милліарда французской ренты для уплаты контрибуціи. При такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ крупный центральный банкъ долженъ открыть свои кассы правительству, а подобное заимствованіе нисколько не уничтожаетъ самостоятельности и независимости банка, будь онъ акціонерный или даже государственный.

Изъ вышесказаннаго ясно что самостоятельность и независимость всякого крупнаго банка заключается въ томъ, чтобы финансовые органы страны не пользовались банкомъ, какъ удобнымъ и легкимъ источникомъ для заимствованій во всякое время, будь эта надобность настоятельной, или нѣтъ. Если эта самостоятельность банка можетъ

быть упрочена, то денежному обращенію страны не грозитъ опасность отъ переполненія рынка обезцѣненными бумажными деньгами. Вопросъ только въ томъ, какой типъ организаціи центральнаго банка болѣе всего удовлетворяетъ этой главной цѣли.

Теорія и исторія банковой политики послѣдняго времени знаетъ два типа центральныхъ эмиссіонныхъ банковъ: акціонерный и государственный. Главное превосходство акціонернаго типа передъ государственнымъ, по мнѣнію многихъ ученыхъ, заключается въ томъ, что онъ болѣе всего гарантируетъ назависимость банка отъ государственнаго казначейства, слѣдовательно даетъ возможность банку выполнять функціи кредитнаго учрежденія, не затрачивая своихъ средствъ на цѣли финансово-политическія.

Это обстоятельство способствовало тому, что акціонерная форма организаціи центральныхъ банковъ получила почти повсемѣстное распространеніе въ Европѣ и по всюду, кромѣ Швеціи и Россіи, центральные банки основаны на акціонерныхъ началахъ. Несмотря на то, что западно-европейская практика признала акціонерный типъ организаціи болѣе подходящимъ для центральныхъ бан-

ковъ, тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, что государственный банкъ не можетъ удовлетворить правильнымъ задачамъ банковой политики. Всѣ недостатки, которые свойственны государственнымъ банкамъ, въ одинаковой степени могутъ быть поставлены въ укоръ и акціонернымъ банкамъ.

Акціонерная организація центральныхъ банковъ, при строгомъ надзорѣ и участіи правительства, имѣетъ два серьезныхъ преимущества передъ исключительно государственной организаціей. При акціонерномъ участіи складочный капиталъ образуется изъ взносовъ акціонеровъ, а такъ какъ помѣщеніе капитала въ данномъ случаѣ представляетъ не мало выгодъ, то размѣръ складочнаго капитала можетъ быть установленъ очень высокій въ виду того, что охотниковъ принять участіе въ подобномъ предпріятіи найдется всегда очень много. Теоретики и практики банковаго дѣла находятъ, что размѣръ складочнаго капитала не имѣетъ большого значенія для операцій центральныхъ банковъ, работающихъ на чужія деньги, но при нашихъ условіяхъ, гдѣ безмездное пользованіе оборотными средствами страны не всегда удается, такъ какъ капиталъ срав-

нительно еще дорогъ, размѣръ основного капитала банка имѣетъ большое значеніе для торгово-промышленной дѣятельности. Правда, за это участіе акціонеровъ приходится пожертвовать частью чистой прибыли въ ихъ пользу, между тѣмъ какъ теперь всѣ прибыли Государственнаго Банка поступаютъ въ доходъ казны, но это акціонерное участіе значительно облегчаетъ трудность организаціи государственныхъ центральныхъ банковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Государственный Банкъ можетъ быть организованъ такъ, чтобы онъ былъ всецѣло огражденъ отъ вліянія финансовыхъ органовъ и теоретически созданіе такихъ „преградъ" въ лицѣ всякого рода совѣтовъ и контролей вполнѣ возможно, но вся бѣда заключается въ томъ, что эти apriori выдуманныя „преграды" не всегда дѣйствуютъ такъ, какъ это предполагалось въ теоріи.

Еще въ началѣ настоящаго столѣтія, одновременно съ торжественнымъ объявленіемъ о прекращеніи дальнѣйшихъ выпусковъ ассигнацій, Правительство находило необходимымъ поставить наши кредитныя учрежденія въ самостоятельное и незави-

симое отъ финансоваго управленія положеніе. Взглядъ этотъ былъ категорически выраженъ въ соображеніяхъ Государственнаго Совѣта при учрежденіи Совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій 7 Мая 1817 г., по проекту гр. Гурьева.

„Для утвержденія системы государственнаго кредита учрежденіе такого установленія (какъ Совѣтъ Государственныхъ Кредитныхъ Установленій), публичнаго и въ дѣйствіи своемъ независимаго, читаемъ въ соображеніяхъ Государственнаго Совѣта, весьма важно и по выгодному вліянію, какого отъ онаго ожидать можно на мнѣніе общее, такъ какъ оно открываетъ рѣшительное намѣреніе Правительства слѣдовать единожды постановленнымъ правиламъ и тѣмъ самымъ возбудить вящшую довѣренность къ обязательствамъ казны.

Обязанности членовъ Совѣта, въ отношеніи къ сему ихъ званію состоятъ, такъ сказать, въ посредничествѣ между исполнителями правилъ, для кредитныхъ установленій изданныхъ, и частными лицами, участвующими въ сихъ установленіяхъ по долгамъ, займамъ или вкладамъ. Бывъ независимы въ ихъ разсужденіяхъ, они не могутъ

нарушить долга, на нихъ возлагаемаго и Монархомъ и Закономъ, и честью, и довѣренностью согражданъ къ тому ихъ избравшихъ; подъ такимъ блюстительнымъ надзоромъ ни суммы, отпускаемыя въ распоряженіе Комиссіи Долговъ, ни операціи банковъ не могутъ уклоняться отъ пути имъ предназначеннаго. Итакъ, посредствомъ сего установленія Правительство, можно сказать, само воздвигаетъ между своими обязанностями и возможностью оныя нарушать такую преграду, которую оное не можетъ разрушить безъ потрясенія всей системы кредита. Но въ самомъ безсиліи семъ заключается новый источникъ богатства и силы Государства". (Архивъ Государственнаго Совѣта).

Насколько эта „преграда" въ лицѣ Совѣта Государственныхъ кредитныхъ установленій оказала свое дѣйствіе на дальнѣйшій ходъ нашего денежнаго обращенія показываетъ вся финансовая исторія XIX вѣка.

Въ настоящее время Совѣтъ этотъ упраздненъ, такъ какъ всѣ убѣдились, что прекрасныя цѣли, какими руководились учредители его, не осуществились въ жизни

и блестящія соображенія Государственнаго Совѣта остались только „прекрасными словами“.

Въ чемъ же неуспѣхъ этихъ благихъ начинаній?

Отвѣтъ простъ. Дѣло въ томъ, что эти прекрасныя слова не были обставлены достаточными гарантіями. Члены Совѣта собирались ежегодно, разсуждали о нашей финансовой политикѣ, постановляли резолюціи и разъѣзжались по домамъ. Составленіе протоколовъ объ этихъ торжественныхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ принимали участіе высшіе сановники государства вмѣстѣ съ выборными отъ дворянства и купечества, было возложено на Особенную канцелярію по кредитной части, которая и разсылала эти протоколы въ подлежащія вѣдомства „къ свѣдѣнію“ и на этомъ дѣло кончалось. Протоколы Совѣта сами по себѣ, а жизнь съ ея требованіями сама по себѣ.

Въ настоящее время съ упраздненіемъ Совѣта Государственныхъ кредитныхъ установленій, обязанности его перешли къ Государственному Контролю.

Объ отношеніяхъ Государственнаго Банка къ Государственному Контролю и о

значенiи, какое можетъ имѣть въ интересахъ самостоятельности и независимости Государственнаго Банка ревизiя и надзоръ въ лицѣ Государственнаго Контроля скажемъ болѣе обстоятельно ниже, теперь же остается замѣтить, что вопросъ о постановкѣ центральнаго банка, каковъ нашъ Государственный Банкъ, въ самостоятельное и независимое положенiе—представляетъ такiя трудности въ смыслѣ его практическаго осуществленiя, что западно-европейскiя государства предпочитаютъ мириться съ акцiонерной формой эмиссiонныхъ банковъ, вполнѣ сознавая, что трудно найти такой modus vivendi, благодаря которому Государственный Банкъ пересталъ-бы быть орудiемъ финансоваго вѣдомства.

ГЛАВА IV.

Государственный Банкъ и Государственный Контроль

При обсужденіи проекта новаго устава, вопросъ о высшемъ надзорѣ за дѣятельностью Государственнаго Банка вызвалъ массу разногласій, но при близкомъ знакомствѣ съ тѣмъ, что говорилось въ банковой коммисіи оказывается, что этотъ серьезный вопросъ банковой политики не былъ въ достаточной степени освѣщенъ и выясненъ. Кажется даже страннымъ, что вопросъ о высшемъ надзорѣ былъ смѣшанъ съ вопросомъ о внѣшнемъ контролѣ и въ дальнѣйшихъ преніяхъ эта странная замѣна никѣмъ не была замѣчена. По мнѣнію предсѣдателя банковой коммисіи, возтановленіе Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій обязано идеѣ независимости Государственнаго Банка отъ Министерства Финансовъ, но такъ какъ въ настоящее время Государст-

венный Банкъ фактически подчиненъ Министерству Финансовъ и управляющій банкомъ имѣетъ докладъ у Министра Финансовъ, наравнѣ съ прочими директорами департаментовъ и всѣ важнѣйшія дѣла Банка рѣшаются властью Министра Финансовъ, то представляется страннымъ существованіе Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, утратившаго свое значеніе. Но при этомъ предсѣдатель банковой коммисіи допускалъ, что Государственный Банкъ долженъ находиться въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ Государственному Контролю и подлежать его *повѣркѣ* наравнѣ съ прочими Государственными учрежденіями, но, конечно, съ тѣми ограниченіями, которыя вытекаютъ изъ самого существа дѣятельности Банка.

Кромѣ предсѣдателя многіе члены коммисіи, въ томъ числѣ представители Государственнаго Контроля, находили существованіе Совѣта Государственныхъ Кридитныхъ Установленій совершенно лишнимъ и предлагали замѣнить его ревизіей и надзоромъ со стороны чиновъ Государственнаго Контроля.

Правда нашлись и защитники устарѣв-

шаго учрежденія, которые доказывали, что „оно придовало значеніе государственности нашему банку“, но эта защита звучала очень слабо, результатомъ чего явилось полное смѣшеніе понятій надзора н ревизіи.

Въ предшествующей главѣ мы привели мотивы, которыми руководился Государственный Совѣтъ въ 1817 г. при учрежденіи Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій. Задача этого послѣдняго состояла нетолько въ томъ, чтобы свидѣтельствовать цѣлость кассъ кредитныхъ установленій и ревизовать административные ихъ расходы; главныя обязанности членовъ Совѣта, состояли „въ посредничествѣ между исполнителями правилъ, для кредитныхъ установленій изданныхъ, и частными лицами участвующими въ сихъ установленіяхъ по долгамъ, займамъ и вкладамъ“.

Исторія Совѣта Государственныхъ кредитныхъ установленій служитъ лучшимъ доказательствомъ стараго правила „всуе законы писать, если ихъ не исполнять“, но изъ того, что Совѣтъ кредитныхъ установленій не выполнилъ возложенныхъ на него надеждъ нельзя еще заключать объ ошибочности тѣхъ принциповъ, которые были

положены въ основаніе этого учрежденія. Скорѣе можно допустить, что Совѣтъ Государственныхъ кредитныхъ установленій явился какимъ-то диссонансомъ въ администратнвномъ строѣ того времени, который покоился на плечахъ гоголевскихъ героевъ, но было бы странно предполагать, какъ это дѣлаетъ оффиціальный органъ Министерства Финансовъ, что „порядокъ ревизіи Государственныхъ кредитныхъ установленій въ томъ видѣ, какъ онъ практиковался до сихъ поръ (до упраздненія Совѣта Государственныхъ кредитныхъ установленій) былъ созданъ въ такое время, когда онъ имѣлъ дѣйствительный, практическій смыслъ (?) и значеніе, въ виду особыхъ условій и требованій тогдашней общественной и государственной жизни Россіи (это въ 1817 г. то). Въ наше время, когда всѣ эти условія коренным образомъ измѣнились, когда постепенно прогрессирующая жизнь вызвала множество совершенно новыхъ потребностей, обусловившихъ важныя реформы въ сферѣ кредитныхъ установленій, прежній порядокъ ревизіи (слово надзоръ повсюду замѣняется словомъ ревизія) представляется значительно устарѣвшимъ, создавая на прак-

тикѣ постоянныя затрудненія и неудобства". (Вѣстникъ Финансовъ № 26 1895 г.).

Ниже мы остановимся болѣе подробно на принятой въ настоящее время системѣ ревизіи Государственнаго Банка, теперь же считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу Совѣта Государственныхъ кредитныхъ установленій и его значеніи въ качествѣ наблюдательнаго органа надъ дѣятельностью кредитныхъ установленій.

Само собой разумѣется, что по идеѣ, учрежденіе такого органа, который бы служилъ стражемъ кредитныхъ установленій и защищалъ бы ихъ отъ поползновеній финансовыхъ органовъ того времени — заслуживаетъ полнаго вниманія, но практически такое учрежденіе не могло упрочиться въ тѣ времена, когда канцелярская тайна считалась conditio sin qua non всякой государственной дѣятельности, когда даже не имѣли понятія о правильной государственной росписи, когда отсутствовалъ всякій независимый контроль надъ казенными суммами и, когда, наконецъ, трудно было видѣть разницу между казенными и частными средствами, попавшими въ прежнія кредитныя установленія. Если къ этому прибавить полное

отсутствіе всякой гласности, всякого даже слѣда общественнаго мнѣнія и рабскій строй нашей хозяйственной жизни, то будетъ совершенно понятно, что приведенныя выше мотивы Государственнаго Совѣта слѣдуетъ скорѣе разсматривать, какъ идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться, а не какъ нѣчто отжившее и, по нынѣшнимъ временамъ, негодное.

Не слѣдуетъ удивляться, если, созданное на основаніи вполнѣ правильныхъ теоретическихъ умозрѣній, учрежденіе не могло привиться у насъ и, что Совѣтъ Государственныхъ Кредитныхъ установленій не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ. Но то, что было преждевременно въ началѣ столѣтія, то современно и практично для настоящаго времени.

Современная теорія банковаго дѣла требуетъ полной независимости и самостоятельности центральныхъ банковъ – этотъ принципъ служитъ краеугольнымъ камнемъ современной банковой организаціи; до него на Западѣ дошли путемъ опыта, у насъ же еще въ самомъ началѣ столѣтія высшее Государственное учрежденіе излагаетъ этотъ принципъ въ своихъ мотивахъ съ такой

ясностью и опредѣленностью, что остается только удивляться этой прозорливости и умѣнью понимать труднѣйшія проблемы банковой политики.

На Совѣтъ Государственныхъ кредитныхъ установленій не слѣдуетъ смотрѣть какъ на нѣчто законченное и цѣльное—это была весьма слабая и несвоевременная попытка упорядочить нашъ государственный кредитъ и создать довѣріе къ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ. Съ момента учрежденія Совѣта прошло уже около 80 лѣтъ, но принципы, легшіе въ основаніе этого учрежденія, не устарѣли и въ настоящую минуту вполнѣ примѣнимы. Правда, уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ наши государственные росписи сдѣлались достояніемъ гласности, а отчеты объ исполненіи этихъ росписей провѣряются независимымъ отъ финансоваго вѣдомства учрежденіемъ и публикуются во всеобщее свѣдѣніе. Кромѣ того Министерство Финансовъ всячески старается знакомить какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ держателей нашихъ государственныхъ цѣнностей съ состояніемъ государственнаго кредита; балансы Государственнаго Банка публикуются во всѣхъ періо-

дическихъ изданіяхъ два раза въ мѣсяцъ и т. п., Но всѣ эти мѣры далеко не въ состояніи Упрочить довѣрія къ дѣятельности фискальныхъ органовъ; остается какое то неизъяснимое недовѣріе и подозрѣніе, ни на чемъ не основанное. Публика -- это капризное дитя — не въ состояніи критически отнестись къ тому, что преподносится ей въ отчетахъ, балансахъ и т. п. свѣдѣніяхъ. Всегда найдутся недоброжелатели, которые стараются придумывать всякаго рода небылицы, чтобы вселить подозрѣніе, а разъ это подозрѣніе явилось, хотя бы свѣдѣнія, на которыхъ оно было основано, оказались нелѣпыми, трудно бываетъ искоренить это недовѣріе. Не нужно кажется ничего болѣе вздорнаго, чѣмъ извѣстный пасквиль г. Ціона, направленный противъ нынѣшняго главы финансоваго вѣдомства и его политики; казалось бы все опровергнуто, но все таки публика жадно набрасывается на всякую даже вздорную брошюру, статью или даже замѣтку, появляющуюся заграницей и трактующая о русскихъ финансахъ. Этотъ ядъ недовѣрія, вселяемый такими брошюрами и статьями дѣйствуетъ какъ бы магически даже на

самыхъ разсудительныхъ людей, способныхъ понимать т олкъ ъ финансовыхъ вопросахъ. Къ сожалѣнію, людей, привыкшихъ серьезно относиться къ финансовымъ вопросамъ, у насъ немного и естественно, если недовѣріе прорывается на каждомъ шагу. Такова уже психологія массы и съ ней приходится считаться тѣмъ, кто руководитъ финансами страны. Эта масса требуетъ, чтобы вполнѣ независимые и заслуживающіе полнаго довѣрія лица подтвердили правильность дѣйствій финансоваго управленія; она не въ состояніи сама провѣрить того, что преподносится ей въ отчетахъ и балансахъ и вѣритъ лишь тогда, когда эти отчеты, балансы подписаны лицами компетентными и авторитетными.

Исходя изъ этой черты народной психологіи, всѣ правительства стремились создать авторитетное учрежденіе, которое всегда подтвержало-бы правильность дѣйствіи финансовыхъ органовъ.

Спеціально для банковаго дѣла была изобрѣтена система привиллегированныхъ центральныхъ банковъ, въ которыхъ на ряду съ акціонерами принимаетъ дѣятельное и даже преобладающее вліяніе правительство. Уча-

стіе и роль акціонеровъ въ такихъ банкахъ есть ничто иное, какъ извѣстная форма самоуправленія въ дѣлахъ кредита. Оно упрочиваетъ довѣріе къ этому учрежденію и создаетъ сдерживающій стимулъ для незаконныхъ дѣйствій финансовыхъ органовъ. Само собой разумѣется, что эти самоуправляющіяся кредитныя единицы составляютъ неразрывную часть государственнаго управленія и въ критическія минуты онѣ не могутъ не явиться на помощь странѣ, но въ нормальное время онѣ дѣйствуютъ правильно и исключаютъ возможность всякого нарушенія установленныхъ правилъ.

У насъ считаютъ несовмѣстимымъ съ государственнымъ строемъ существованіе центральнато банка, основаннаго на началахъ такого акціонернаго „самоуправленія.“ Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этого вопроса по существу, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко, но считаемъ внѣ всякого спора стоящимъ вопросъ о независимости и самостоятельности центральнаго банка даже въ томъ случаѣ, когда онъ всецѣло государственный.

На созданіе этой независимости путемъ правильной постановки банка въ ряду дру-

гихъ государственныхъ учрежденій должно быть обращено серьезное вниманіе. Совѣтъ Государственныхъ кредитныхъ установленій, при всѣхъ недостаткахъ его организаціи, представлялъ изъ себя учрежденіе, исполняющее функціи надзора. Онъ былъ судьей между ревизіоннымъ комитетомъ, доносившимъ обо всемъ что происходило въ банкѣ, и финансовымъ вѣдомствомъ, направлявшимъ политику банка. Правда, эти свои судейскія функціи онъ исполнялъ вопреки основнымъ началамъ судоустройства, такъ какъ на одну изъ сторонъ, и притомъ обвиняемую, были возложены секретарскія обязанности, но все таки теоретически такое учрежденіе, которое бы слѣдило постоянно за неукоснительнымъ исполненіемъ устава Банка - является conditio sine qua non правильной организаціи банковаго дѣла. Функціи Совѣта нельзя возлагать на ревизіонные органы, каковыми является Государственный Контроль и смѣшеніе понятій надзора и ревизіи является одной изъ крупнѣйшихъ недостатковъ современной организаціи.

То что составляетъ обязанности надзирающаго органа, того не можетъ исполнить

контроль, выступающій лишь тогда, когда дѣятельность банка за извѣстный періодъ времени совершенно закончена, когда ошибочныя дѣйствія руководителей банка уже сдѣлали свое дѣло и не могутъ быть исправлены. Контроль имѣетъ дѣло съ виновникомъ извѣстнаго неправильнаго дѣйствія; онъ можетъ требовать покрытія неправильнаго расхода, но не можетъ исправить сдѣланныхъ ошибокъ. Для ясности нашей мысли приведемъ слѣдующій примѣръ. Представимъ себѣ, что банковая администрація сочла почему либо возможнымъ, вопреки уставу, оказать содѣйствіе кредитомъ какому либо предпріятію—этого содѣйствія не заслуживающему. Ошибка совершена, банкъ понесъ убытокъ и черезъ годъ или два—этотъ фактъ обнаруживается, допустимъ, контролемъ, который, согласно уставу 1894 г., докладываетъ объ этомъ въ своемъ заключеніи по отчету Государственному Совѣту.

Нѣтъ сомнѣнія, что виновники понесутъ должное наказаніе, но ошибку исправить нельзя—вексельный портфель испорченъ; въ обращеніи находится извѣстное количество банковыхъ билетовъ, не имѣющихъ вѣрного обезпеченія и, если такіе факты

будутъ повторяться чаще, то въ теченіе одного года можно довести банкъ до такого состоянія, что послѣдующей ревизіи нечего будетъ дѣлать.

Мы привели этотъ примѣръ въ предположеніи, что на Государственный Контроль будетъ возложена хотя бы послѣдующая ревизія операцій Государственнаго Банка, но на самомъ дѣлѣ даже о такой ревизіи едва ли приходится мечтать, такъ какъ, согласно новому уставу, обязанности Государственнаго Контроля исчерпываются: разсмотрѣніемъ смѣты расходовъ банка и составленіемъ по сему предмету заключенія (ст. 12); разсмотрѣніемъ годоваго операціоннаго отчета Государственнаго Банка и составленіемъ по сему отчету заключенія Государственнаго Контролера (ст. 13) ревизіей административныхъ расходовъ всего вѣдомства Государственнаго Банка, а также и оборотовъ его за счетъ государственнаго казначейства (ст. 15) и наконецъ свидѣтельствованіемъ денежныхъ кассъ Банка и хранящихся въ кассахъ и кладовыхъ цѣнностей, съ цѣлью удостовѣренія въ цѣлости кассъ и кладовыхъ (ст. 16).

Разсмотримъ эти обязанности Государ-

ственного Контроля каждую въ отдѣльности и выяснимъ, насколько дѣятельность ревизіоннаго учрежденія можетъ оказать какое либо вліяніе на правильный ходъ банковой политики.

Разсмотрѣніе смѣты и связанная съ этимъ ревизія административныхъ расходовъ всего вѣдомства Государственного Банка не имѣетъ никакого отношенія къ банковой дѣятельности; смѣта Государственнаго Банка, въ томъ видѣ какъ она представляется въ отдѣленія департамента Гражданской Отчетности по ревизіи Государственныхъ кредитныхъ установленій, содержитъ въ себѣ лишь намеки на смѣту, такъ какъ въ ней находимъ лишь расходы на содержаніе личнаго состава хозяйственные расходы и нѣкоторые другіе, не могущіе опредѣлить дѣятельности банка, какъ кредитнаго учрежденія.

Израсходуетъ ли банкъ 8 мил. р. въ годъ на содержаніе конторъ и отдѣленій, или 8.300.000—это съ точки зрѣнія банковой политики и даже прибылей банка никакого значенія имѣть не можетъ. Прибыль банка есть результатъ правильного помѣщенія его оборотныхъ средствъ и административные

расходы банка не могутъ никоимъ образомъ отразиться на его прибыли, если банкъ функціонируетъ неправильно. Ревизовать расходы банка, оставляя въ сторонѣ, надзоръ за его операціями, равносильно желанію вести точный учетъ веревкамъ, которыя служатъ для связыванія денежныхъ пакетовъ, а деньги оставлять безъ всякой охраны. Допустимъ даже, что вслѣдствіе недобросовѣстного отношенія къ дѣлу лицъ, вѣдающихъ административные расходы банка, вмѣсто 8 мил. будутъ израсходованы 9 м., но что значитъ этотъ излишне истраченный милліонъ въ сравненіи съ тѣми убытками, какія могутъ быть причинены неправильнымъ веденіемъ банковыхъ операцій? При современныхъ условіяхъ, когда Государственный Банкъ не исполняетъ функцій эмиссіоннаго органа—убытки могутъ отразиться въ концѣ концовъ на государственномъ казначействѣ, но при его эмиссіонной дѣятельности неправильная банковая политика грозитъ разореніемъ всему населенію страны, поэтому успокоивать себя тѣмъ, что административные расходы провѣрены и въ достаточной степени учтены - это съ государственной, а не контрольной точки зрѣнія -- грубая ошибка.

Перейдемъ къ другой сторонѣ дѣятельности государственнаго контроля по отношенію къ Государственному Банку, а именно—къ свидѣтельствованію денежныхъ кассъ съ цѣлью удостовѣренія въ ихъ цѣлости. Эта ревизія, опять таки, не можетъ имѣть никакого вліянія на правильный ходъ банковой дѣятельности. Цѣлость кассы зависитъ исключительно отъ правильной постановки банковой техники, отъ добросовѣстности и честности кассировъ и контролеровъ. По состоянію кассы въ извѣстный моментъ никоимъ образомъ нельзя судить о правильности веденія банковыхъ операцій. Такое свидѣтельствованіе кассы можетъ служить лишнимъ стимуломъ къ болѣе аккуратному исполненію своихъ обязанностей со стороны кассировъ и контролеровъ, которые и безъ того отвѣтственны за цѣлость кассы. Трудно допустить, чтобы при тѣхъ порядкахъ, какіе существуютъ въ благоустроенныхъ банкахъ возможно было бы прямое расхищеніе кассы Злоупотребленія возможны путемъ всякого рода подлоговъ, стачекъ кассировъ съ контролерали, но эти злоупотребленія не могутъбыть обнаружены внѣшнимъ контролемъ, являющимся для провѣрки кассы и кладо-

выхъ на выдержку разъ или два—въ году.

Такія ревизіи пожалуй, могутъ имѣть значеніе не для ревизуемыхъ, а для публики, поэтому онѣ должны быть обставлены извѣстной торжественностью и носить публичный характеръ, ревизія же, производимая мелкими чинами контроля, ничего кромѣ хлопотъ и безпокойствъ банковой администраціи дать не можетъ.

Разсмотрѣніе годоваго отчета и составленіе по этому отчету заключенія Государственнымъ Контролеромъ - единственное средство, — дающее возможность ознакомиться съ дѣятельностью банка, въ особенности если принять во вниманіе, что цифры отчета освѣщаются донесеніемъ представителя отъ государственнаго контроля въ Совѣтѣ Государственнаго Банка. При тщательномъ разсмотрѣніи годоваго отчета Государственный Контролеръ можетъ представить Государственному Совѣту свое заключеніе и выразить какъ свою похвалу, такъ и порицаніе дѣятельности банковой администраціи, но какова практическая цѣль такихъ заключеній и что они могутъ дать, въ смыслѣ упроченія довѣрія въ публикѣ къ банку? Къ сожалѣнію — ничего.

Замѣчанія контрольнаго учрежденія естественно должны носить теоретическій характеръ, такъ какъ органы контроля по существу своей дѣятельности, стоятъ далеко отъ практической жизни. Достаточно будетъ критикуемому финансовому вѣдомству сказать, что то или другое дѣйствіе вызвано практическими нуждами времени, чтобы окончательно парализовать замѣчанія контрольнаго вѣдомства.

Разсмотрѣніе – заключенія Государственнаго Контролера и возраженій министерства финансовъ — дастъ Государственному Совѣту очень мало матеріала для установленія правильнаго надзора за дѣятельностью банка. Поневолѣ этотъ надзоръ будетъ формальный и для публики, знакомой съ технической его постановкой, онъ будетъ далеко неубѣдителенъ; останется мѣсто для всякого рода неосновательныхъ подозрѣній и недоброжелатели нашей финансовой стойкости не перестанутъ распространять самые невѣроятные слухи, которые всегда будутъ встрѣчены, если не съ полнымъ довѣріемъ, то не безъ скрытыхъ подозрѣній, между тѣмъ это недовѣріе способно разрушить всякія благія начинанія финансового вѣдомства въ области банковой политики.

Въ заключеніе настоящей главы приходится сказать, что, съ упраздненіемъ Совѣта Государственныхъ кредитныхъ установленій и передачей его обязанностей Государственному Контролю, вопросъ о независимости Государственнаго Банка далеко не разрѣшенъ. Скорѣе можно сказать, что, съ точки зрѣнія теоріи, былъ сдѣланъ шагъ назадъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ положеніи о Совѣтѣ Государственныхъ кредитныхъ установленій идея независимости Государственнаго Банка была ясно выражена, съ передачей же его обязанностей Государственному Контролю произошло смѣшеніе понятій ревизіи и надзора, вслѣдствіе чего идея независимости банка совершенно исчезла.

ГЛАВА V.

Необходимо-ли объединеніе финансовой и экономической политики.

Противники самостоятельности и независимости Государственнаго Банка видятъ въ выдѣленіи эмиссіонной операціи изъ вѣдѣнія Министерства Финансовъ—стремленіе создать никому ненужное и тормозящее всякую инициативу „раздѣленіе властей“.

По мнѣнію ученаго секретаря Министерства Финансовъ А. Н. Гурьева „вопросъ этотъ (о самостоятельности Государственнаго Банка) совершенно безразличенъ для непосредственныхъ интересовъ денежнаго обращенія. Мы глубоко убѣждены, продолжаетъ г. Гурьевъ, что Министерство Финансовъ не будетъ посягать на интересы денежнаго обращенія точно такъ-же, какъ и то самостоятельное управленіе, которому предлагаютъ нѣкоторые передать въ завѣ-

дываніе эмиссіонную операцію" (Реформа денежнаго обращенія стр. 544).

Это „глубокое убѣжденіе" г. Гурьева доказываетъ, что онъ глубоко и искренно вѣритъ тому учрежденію, въ которомъ онъ служитъ, но едва ли это „убѣжденіе" можно вселить и другимъ.

Если г. Гурьевъ сдѣлаетъ маленькую экскурсію въ область финансовой исторіи, то онъ замѣтитъ, что во всѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ эмиссіонные банки (государственные или акціонерные), вездѣ вопросъ объ ихъ независимости отъ финансоваго управленія выступаетъ на первый планъ и ставится въ тѣсную связь съ деденежнымъ обращеніемъ.

Къ счастью самъ г. Гурьевъ не договорился до излюбленнаго нашими невѣждами въ области государственнаго права положенія, о государствѣ sui generis, но онъ все таки не преминулъ процитировать слова нѣкоего А. М., который полагаетъ, что „при нашемъ строѣ государственнаго управленія, если устранить распорядительную власть Министра Финансовъ, то она перешла бы къ Управляющему Государственнымъ Банкомъ, и то, что дѣлается теперь по всепод-

даннѣйшимъ докладамъ Министра, дѣлалось бы по всеподданнѣйшимъ докладомъ Управляющаго“ (Денежная реформа, Русскій Вѣстникъ 1896 г. V).

Въ другомъ мѣстѣ своей книги, гдѣ говорится о независимости Государственнаго Банка, г. Гурьевъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „выдѣленіе Государственнаго Банка въ совершенно самостоятельное учрежденіе породило бы такое раздвоеніе финансовой и экономической политики, которое можетъ или совершенно затормозить всякія начинанія въ этомъ дѣлѣ, или же, всего скорѣе, взвалить на финансовое и народное хозяйство печальныя послѣдствія „раздѣленія властей“, наблюдаемаго въ берлогѣ, въ которой сидятъ два медвѣдя. Поэтому мы думаемъ, что общее направленіе кредитнаго дѣла страны должно быть сохранено за Министерствомъ Финансовъ. Но, конечно, Государственному Банку можетъ быть предоставлена большая самостоятельность въ дѣлѣ индивидуальнаго распредѣленія кредитовъ, въ оцѣнкѣ кредитоспособности лицъ и учрежденій“ (стр. 547).

Со стороны г. Гурьева это очень похвально, что онъ ратуетъ за сохраненіе

кредитнаго дѣла въ рукахъ Министерства Финансовъ, но при этомъ не слѣдовало всетаки грѣшить противъ очевидной истины. Соединеніе въ однѣхъ рукахъ финансовой и экономической политики страны признается всѣми явленіемъ крайне нежелательнымъ и даже вреднымъ въ интересахъ народнаго хозяйства, поэтому видѣть какое либо зло въ этомъ раздвоеніи, по меньшей мѣрѣ, странно Къ сожалѣнію, наша экономическая политика не была принаровлена къ какому либо особому вѣдомству, въ родѣ существующихъ на западѣ министерствъ торговли и промышленности. Долгое время экономическая политика никого изъ существующихъ вѣдомствъ не интересовала и только въ послѣдніе годы Министерство Финансовъ стремится отчасти взять въ свои руки экономическую политику, но при этомъ значительная часть хозяйственныхъ интересовъ страны вѣдается и другими министерствами. Такъ для сельскаго хозяйства, кустарной промышленности, горнаго дѣла, существуетъ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, крестьянское хозяйство, страховое дѣло въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и др. Почему же при

этихъ условіяхъ, раздвоеніе финансовой и экономической политики не приноситъ особенно большого вреда? Наоборотъ, намъ кажется, что смѣшеніе финансовой и экономической точекъ зрѣнія способно отразиться крайне невыгодно на народномъ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ. Достаточно указать на нашу сахарную промышленность, чтобы видѣть, насколько цѣли фиска препятствовали этой важной отрасли промышленности развиться до такой степени, чтобы она могла удовлетворить, какъ потребителей, такъ и сельское хозяйство.

Здѣсь конечно, не мѣсто излагать исторію нашей сахарной промышленности, но чтобы иллюстрировать нашу мысль, ограничимся лишь указаніемъ, что, благодаря всякого рода мудрствованіямъ фискальныхъ органовъ, создалась та сахарная промышленность, какую мы имѣемъ теперь. Подъ вліяніемъ всякого рода соглашеній, оффиціальнаго и полуоффиціальнаго характера, возникли синдикаты сахарозаводчиковъ и наконецъ пришли къ правительственной нормировкѣ. Если бы фискъ ограничился бы только взиманіемъ положеннаго по закону акциза и отказался бы отъ руководительства экономи-

ческой политикой въ сахарномъ дѣлѣ, то быть можетъ, мы располагали бы въ настоящую минуту громадными полями, посѣянными свеклой, заводами работающими для внутренняго потребленія, а не для англійскихъ свиней и бѣдный русскій обыватель не переплачивалъ бы за сахаръ вдвое противъ стоимости производства.

Не впадая въ пародоксальность, можно сказать, что если бы финансовое вѣдомство сочло себя обязаннымъ вмѣшаться въ мануфактурную промышленность, то результаты получились бы тѣ-же что и въ сахарной. Число веретенъ, количество выпускаемыхъ изъ фабрикъ аршинъ ситца подлежали бы извѣстной нормировкѣ. Вообще вмѣшательство государства во внутренній строй производства влечетъ за собой массу крайне нежелательныхъ осложненій для промышленности, но если сюда проникнетъ еще фискальная точка зрѣнія, то она способна затормозить всякое дѣло.

Намъ говорятъ, что если устранить распорядительную власть Министра Финансовъ въ банковомъ дѣлѣ, то она перейдетъ къ Управляющему Государственнымъ Банкомъ, что не измѣняетъ существа дѣла. Это по-

ложеніе не выдерживаетъ никакой критики. Во 1-хъ, самостоятельность Государственнаго Банка предполагаетъ такую его организацію, при которой дѣятельность Управляющаго ограничивается рамками устава и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ онъ можетъ принять мѣры, непредъусмотрѣнныя уставомъ, причемъ такія мѣры обсуждаются въ Совѣтѣ банка. При этихъ условіяхъ распорядительная власть Управляющаго не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что въ состояніи сдѣлать теперь Министръ Финансовъ, который является хозяиномъ банка. Во 2-хъ, если бы даже Управляющему была бы предоставлена большая распорядительная власть внѣ предѣловъ устава, то и тогда нечего опасаться серьезныхъ замѣшательствъ въ кредитномъ дѣлѣ, такъ какъ управляюшій банкомъ вѣдаетъ только одно свое дѣло и не долженъ безпокоиться, ни о финансахъ страны, ни о покрытіи дефицитовъ, ни о внутреннихъ и внѣшнихъ займахъ и т. п. До всего этого ему нѣтъ никакого дѣла, онъ знаетъ, что обязанности его состоятъ въ открытіи кредитовъ, согласно уставу, въ охраненіи золотыхъ запасовъ для безостановочнаго размѣна, а о содѣйствіи промыш-

ленности и сельскому хозяйству онъ можетъ заботиться настолько, поскольку выдача ссудъ подъ вѣрное обезпеченіе не нарушаетъ правила о быстрой реализуемости портфеля. Быть можетъ, такая политика банка не совпадаетъ съ видами финансоваго вѣдомства, которое почему-либо желаетъ въ данную минуту содѣйствовать золотопромышленности или машиностроенію, но за то всѣ будутъ увѣрены въ устойчивости и прочности банка, а денежному обращенію не будетъ грозить внутренній врагъ, скрывающійся въ банковомъ портфелѣ, наполненномъ трудно реализуемыми обязательствами золотопромышленниковъ, фабрикантовъ и оскудѣвшихъ помѣщиковъ.

Финансовое вѣдомство, руководящее банковымъ дѣломъ, не можетъ отказаться отъ своей финансовой точки зрѣнія и всякое его дѣйствіе несетъ печать финансовыхъ интересовъ. Если въ данный моментъ Министерство Финансовъ заинтересовано въ реализаціи внутренняго займа, или поддержкѣ такой отрасли промышленности, упадокъ которой грозитъ уменьшеніемъ государственныхъ доходовъ и т. п., то оно забываетъ, что банкъ долженъ служить интересамъ

всей страны и что ему нѣтъ дѣла до временныхъ тенденцій фиска. Для банка, независимаго отъ финансоваго вѣдомства, не существуютъ *отрасли промышленности*, а только торговыя и промышленныя фирмы; онъ открываетъ кредитъ тѣмъ фирмамъ, которыя нуждаются въ кредитѣ и представляютъ достаточно гарантій для цѣлости выданной ссуды и ему нѣтъ никакого дѣла до отвлеченныхъ принциповъ. Только у насъ, гдѣ кассы банка стоятъ къ услугамъ финансоваго управленія, могла выработаться странная теорія — поддержки извѣстной отрасли промышленности, понимаемной in abstracto, независимо отъ того, кто возьмется за эту промышленность. Для солиднаго кредитнаго учрежденія, преслѣдующаго реальныя цѣли, недостаточно, если къ нему явится лицо, желающее заниматься извѣстной отраслью промышленности, которая почему либо находится у финансоваго вѣдомства въ извѣстномъ фаворѣ; для него важно, чтобы это лицо, какъ таковое, представило извѣстныя гарантіи умѣлаго веденія дѣла, такъ какъ краткосрочный кредитъ—есть кредитъ исключительно личный.

При обсужденіи въ банковой коммиссіи

1893 года вопроса о промышленныхъ ссудахъ, въ пылу увлеченія промышленнымъ кредитомъ, совершенно было упущено изъ виду это основное правило банковаго кредита и дѣйствительно, по духу новаго устава, достаточно сослаться на то, что проситель является піонеромъ въ такой отрасли промышленности, которая въ данный моментъ попала въ число излюбленныхъ министерствомъ финансовъ, чтобы имѣть право ходатайствовать и даже получить ссуду. Правильно организованное кредитное учрежденіе, взявшее на себя отвѣтственность за прочность денежнаго обращенія, не должно увлекаться такими абстракціями, иначе оно нарушитъ хозяйственное равновѣсіе и причинитъ множество бѣдъ странѣ.

Мы считаемъ прямо вреднымъ какое либо „принципіальное" руководительство кредитомъ страны на основаніи предвзятыхъ идей, хотя бы эти идеи принадлежали самому добросовѣстному и геніальному министру финансовъ. Направленіе кредита создается естественными хозяйственными условіями и никакія попытки искусственнаго воздѣйствія путемъ кредита на строй народнаго хозяйства никогда ни къ чему путному не приводили.

Въ виду этого раздвоеніе финансовой и экономической политики не грозитъ намъ никакими бѣдами, наоборотъ, хозяйственная жизнь пойдетъ по опредѣленному руслу и центральному банку придется плыть по тому же направленію, устраняя всякія препятствія. Тамъ, гдѣ содѣйствіе Государственнаго Банка, вслѣдствіе ограниченности его операцій, окажется невозможнымъ, на помощь явятся частныя и общественныя кредитныя учрежденія и Государственному банку придется въ данномъ случаѣ взять на себя роль руководителя. Функціи управляющаго банкомъ будутъ строго опредѣлены, какъ уставомъ, такъ и всей совокупностью хозяйственныхъ интересовъ страны, гдѣ нѣтъ мѣста канцелярскимъ абстракціямъ; противники выдѣленія Государственнаго Банка изъ вѣдѣнія финансоваго управленія могутъ быть спокойны, такъ какъ распорядительная власть Министра Финансовъ не перейдетъ къ Управляющму Государственнымъ Банкомъ, роль котораго будетъ очень скромная.

ГЛАВА VI.

Какая организація обезпечиваетъ самостоятельность и независимость Государственнаго Банка?

Въ предыдущихъ главахъ мы коснулись вопроса объ организаціи Государственнаго Банка лишь попутно, указывая на то, что нынѣ дѣйствующій уставъ банка совершенно не сообразованъ съ требованіями металлическаго денежнаго обращенія, что новый уставъ, преслѣдуя весьма симпатичную цѣль оживленія торгово-промышленной дѣятельности страны, совершенно упустилъ изъ виду главную задачу Государственнаго Банка—упорядочить наше денежное обращеніе и занять подобающее ему мѣсто—центральнаго банка страны.

Всякій знакомый съ современной дѣятельностью Государственнаго Банка не станетъ спорить противъ того положенія, что, для сообразованія устава банка съ требованіями маталлическаго денежнаго обраще-

нія, необходимо не частичное преобразованіе банка, какъ это предположено министерствомъ финансовъ, а—коренная реформа его, въ противномъ случаѣ задуманный переходъ къ металлическому денежному обращенію будетъ основанъ на шаткой почвѣ.

Въ чемъ же должна состоять реформа банка?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужатъ нижеслѣдующія строки.

Основнымъ началомъ правильной банковой политики по отношенію къ центральнымъ банкамъ, вѣдающимъ выпускъ кредитныхъ билетовъ или банковыхъ нотъ, должно признать полную независимость банка отъ финансовыхъ органовъ. Понятіе независимости очень часто сознательно смѣшиваютъ съ понятіемъ полной отчужденности дѣлъ банка отъ финансового управленія и въ этой отчужденности противники независимости банка видятъ непрактичность этого коренного начала банковой политики. Говорятъ, что, даже при существованіи акціонерныхъ эмиссіонныхъ банковъ министерство финансовъ можетъ фактически вліять на ходъ ихъ дѣла и пользоваться средствами этихъ банковъ для государствен-

ныхъ надобностей, причемъ въ видѣ примѣра приводятъ давленіе, произведенное французскимъ правительствомъ на французскій банкъ въ 1871 году, результатомъ чего явился чрезмѣрный выпускъ банковыхъ билетовъ и временное пріостановленіе размѣна. Никто не станетъ спорить, что въ критическіе моменты государственной жизни дозволено прибѣгать ко всякимъ средствамъ лишь бы спасти честь и независимость отечества, но то что допустимо въ критическіе моменты, не можетъ быть возведено въ общее правило. Не слѣдуетъ забывать, что даже въ критическіе моменты, при существованіи принципа независимости банка, финансовому вѣдомству удается не легко воздѣйствовать на банкъ, поэтому ссылки на такіе изъ ряда вонъ выходящіе случаи никоимъ образомъ не могутъ подорвать этого коренного принципа банковой организаціи.

Помимо независимости центральныхъ банковъ, кругъ ихъ операцій долженъ быть строго ограниченъ въ интересахъ правильного денежнаго обращенія, поэтому одна изъ ближайшихъ задачъ предстоящей банковой реформы заключается въ изъятіи изъ круга дѣйствій центральныхъ банковъ та-

кихъ операцій, которыя не имѣютъ характера краткосрочнаго кредита. Объ этой сторонѣ дѣятельности центральныхъ банковъ мы поговоримъ ниже, теперь остановимся нѣсколько подробнѣе на вопросѣ объ организаціи банка, могущей обезпечить его самостоятельость и независимость отъ финансового вѣдомства.

При разсмотрѣніи проекта нынѣ дѣйствующаго устава банка этотъ вопросъ обсуждался сравнительно очень мало. Благодаря распространенной среди членовъ этой коммиссіи тенденціи, что Совѣтъ Государственныхъ кредитныхъ учрежденій отжилъ свой вѣкъ и является неподходящимъ для нашего времени, вопросъ о надзорѣ за дѣятельностью банка былъ замѣненъ вопросомъ о контролѣ, причемъ было совершенно упущено изъ виду, что задачи надзора и контроля ничего между собой общаго не имѣютъ.

Съ упраздненіемъ Совѣта Государственныхъ кредитныхъ установленій, высшій надзоръ за дѣятельностью Государственнаго Банка, былъ возложенъ на Государственый Совѣтъ, куда поступаетъ годовой отчетъ банка, по одобреніи его въ совѣтѣ банка и разсмотрѣніи его въ Государственномъ Конт-

ролѣ. Такимъ образомъ надзоръ со стороны Государственнаго Совѣта проявится лишь по прошествіи шести, семи мѣсяцевъ по заключеніи отчета. Фактически отчеты банка вмѣстѣ съ заключеніемъ Государственнаго Контролера попадаютъ въ Государственный Совѣтъ черезъ годъ или даже полтора года послѣ заключенія годовыхъ счетовъ. Въ чемъ же, спрашивается, будетъ заключаться надзоръ, если то что подлежитъ надзору отошло уже давно въ область прошлаго и, если совершенныя ошибки не могутъ быть исправлены?

Для банковой дѣятельности годъ — это „дистанція огромнаго размѣра“ и судить о правильности операцій, послѣ того какъ быстротекущая жизнь успѣла уже стереть всѣ слѣды этой дѣятельности, дѣло крайне трудное. Даже при самой тщательной провѣркѣ всѣхъ цифръ отчета, Государственному Совѣту трудно будетъ судить о дѣятельности банка и сущность дѣлаемыхъ Государственнымъ Совѣтомъ замѣчаній будетъ носить характеръ—пожеланій, совѣтовъ, которые можно исполнять и неисполнять въ будущемъ, въ зависимости отъ многочисленныхъ причинъ и условій, подъ вліяніемъ которыхъ склады-

вается хозяйственная жизнь страны. Нельзя ставить въ вину руководителямъ банка, если они не примутъ во вниманіе совѣтовъ контролирующаго учрежденія, основанныхъ на данныхъ прошлыхъ лѣтъ. Экономическая жизнь нашего отечества развивалась и вѣроятно будетъ развиваться такъ быстро, что то что имѣло свой raison d'être, допустимъ въ 1894 г., то совершенно непримѣнимо въ настоящую минуту. Банковая политика—дѣло живое, поэтому его нельзя подчинять надзору учрежденія, которое будетъ проявлять свой надзоръ черезъ годъ или два. Такой надзоръ никакой пользы принести не можетъ и онъ сведется къ формализму и излишней перепискѣ между вѣдомствами, между тѣмъ банкъ будетъ стоять внѣ всякаго фактическаго надзора, предоставленный самому себѣ. Быть можетъ современная организація гарантируетъ, внѣ всякаго надзора, правильное его функціонированіе? На этотъ вопросъ приходится дать отрицательный отвѣтъ.

Новый уставъ, еще болѣе чѣмъ старый, ставитъ Государственный банкъ въ тѣсную связь съ Министерствомъ Финансовъ. Не говоря уже о томъ, что, согласно 24 ст. устава, Государственный Банкъ подчиняется *непосред-*

ственно Министру Финансовъ, но даже Совѣтъ, который по составу своему не представляетъ никакихъ гарантій независимости банка, играетъ въ управленіи банкомъ второстепенную роль. Участіе, въ качествѣ членовъ, въ Совѣтѣ двухъ представителей отъ сословій и одного отъ Государственнаго Контроля не можетъ имѣть важнаго значенія, такъ какъ эти трое теряются въ массѣ представителей отъ Министерства Финансовъ. Эти послѣдніе располагаютъ двойнымъ числомъ голосовъ (семь противъ трехъ). Кромѣ управляющаго, двухъ его помошниковъ, управляющаго С-Петербургской конторой и Директора кридитной канцеляріи въ числѣ членовъ Совѣта имѣются еще три представителя Министерства Финансовъ.

При такомъ преобладаніи финансовыхъ чиновникоъ было бы странно думать, что Совѣтъ банка будетъ стремиться къ огражденію кассъ банка отъ посягательства на нихъ финансоваго вѣдомства. О независимости и самостоятельности банка, при такихъ условіяхъ и рѣчи быть не можетъ. Очень вѣроятно, что и при нынѣшнемъ составѣ Совѣта банка, операціи его будутъ развиваться правильно и финансовое вѣдомство ока-

жется на высотѣ своей задачи, но, при переходѣ къ металлическому обращенію, операціи Государственнаго Банка становятся въ тѣсную связь съ денежнымъ обращеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ со всей экономической жизнью страны; руководительство банковой политикой значительно осложняется, оно затрагиваетъ интересы не только тѣхъ кто входитъ въ непесредственное прикосновеніе съ банкомъ, какъ съ кредитнымъ учрежденіемъ, но и всего населенія, довѣряющаго его состоятельности, путемъ принятія въ платежи кредитныхъ билетовъ, носящихъ уже печать банка и отвѣчающаго за ихъ размѣнность. Намъ скажутъ, что за это отвѣчаетъ правительство всѣмъ своимъ достояніемъ, какъ это значится на кредитныхъ билетахъ, но эта отвѣтственность только тогда дѣйствительна, когда банкъ будетъ правильно вести свои операціи, когда ввѣряемыя ему населеніемъ средства будутъ имѣть вѣрное и скоро реализуемое помѣщеніе. Въ виду этого желательно, чтобы даже въ томъ случаѣ, когда дѣятельность нынѣшнихъ руководителей банка признается совершенно цѣлесообразной и правильной, банкъ былъ поставленъ подъ надзоръ

независимаго и компетентнаго въ банковыхъ вопросахъ учрежденія. Этотъ надзоръ, если онъ будетъ организованъ правильно и представитъ всѣ гарантіи для самостоятельности банка, значительно облегчитъ трудную задачу управленія банкомъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ работать при сознаніи, что всякое твое дѣйствіе, даже быть можетъ самое цѣлесообразное, подвержено критикѣ мало компетентныхъ лицъ и окружено всякаго рода подозрѣніями, основанными на недоразумѣніяхъ или прямо на неясномъ представленіи о дѣятельности руководимаго учрежденія. Во избѣжаніе такой непріятной атмосферы, казалось бы самому Министерству Финансовъ должно быть желательно перенесеніе отвѣтственности за руководительство банковой политикой на учрежденіе, составъ котораго вполнѣ гарантируетъ отъ упрековъ и подозрѣній.

Выше мы указали, что въ дѣлѣ кредита приходится считаться съ свойственной массѣ подозрительностью. Она не требуетъ никакихъ гарантій своей личной имущественной обезпеченности, готова быть можетъ стерпѣть незаконное дѣйствіе мелкихъ исполнительныхъ органовъ власти, но когда дѣло доходитъ

до кредита, то тутъ врывается совершенно непонятное недовѣріе, основанное на подозрѣніяхъ. Эта черта свойственна не только намъ русскимъ, но и всѣмъ народамъ, поэтому мы видимъ, что вопросъ о гарантіяхъ независимости центральныхъ банковъ стоитъ внѣ связи съ государственнымъ строемъ. Достаточно указать на то, что Англійскій Банкъ возникъ въ концѣ XVII столѣтія въ то время, когда о политическихъ гарантіяхъ въ современномъ смыслѣ не могло быть рѣчи, а Французскій Банкъ былъ основанъ въ 1803 г., въ періодъ неограниченнаго господства Наполеоновскаго режима, а идея независимости банка, выразившаяся въ учрежденіи Совѣта Государственныхъ кредитныхъ установленій явилась у насъ въ 1817 г., за нѣсколько лѣтъ до Лайбахскаго конгресса, въ то время когда либеральныя тенденціи царствованія Александра I смѣнились крайней реакціей.

Указываютъ на то, что созданіе у насъ акціонернаго центральнаго банка несовмѣстимо съ нашимъ государственнымъ строемъ. Акціонерный привиллегированный банкъ немыслимъ у насъ не по причинамъ политическимъ, а скорѣе—исключительно экономическимъ.

Какъ мы уже указали выше, акціонерная форма организаціи, при всѣхъ недостаткахъ, болѣе всего гарантируетъ независимость центральныхъ банковъ и ей слѣдовало бы отдать предпочтеніе, если бы она безъ всякихъ затрудненій могла быть примѣненной къ нашимъ хозяйственнымъ условіямъ. Но дѣло въ томъ, что, сколько-бы ни восхваляли акціонерную организацію центральнаго банка, она для насъ преждевременна и не можетъ получить права гражданства, вслѣдствіе слабаго состоянія денежнаго рынка и отсутствія капиталовъ въ странѣ. Нашъ денежный рынокъ и запасы свободныхъ капиталовъ до того не велики, что главное правило всѣхъ западно-европейскихъ центральныхъ банковъ, согласно которому акціонерами могутъ быть только свои подданные, едва ли можетъ быть соблюдено. У насъ весьма затруднительно подыскать такихъ русскихъ акціонеровъ, которые помѣстили-бы свои капиталы въ акціяхъ, могущихъ только съ большими ограниченіями служить предметомъ биржевыхъ оборотовъ. На западѣ, гдѣ капиталисты рады, когда находятъ хоть какое нибудь помѣщеніе для своихъ капита-

ловъ, не трудно образовать акціонерную компанію съ основнымъ капиталомъ въ 100—150 милліоновъ рублей, но у насъ это невозможно и никакая концентрація капитала немыслима безъ правительственнаго участія, или прямо-гарантіи. Кромѣ того капиталисты не охотно пойдутъ на такое дѣло, которое, быть можетъ, не безвыгодно, но которое по существу немыслимо безъ преобладающаго вліянія правительства на ходъ банковой политики, акціонеры же въ данномъ случаѣ будутъ играть роль контролеровъ. Профессоръ А. Вагнеръ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о русскихъ бумажныхъ деньгахъ высказывается противъ примѣненія къ нашему центральному банку акціонерной организаціи.

„Намъ кажется, что, въ неограниченной монархіи, какова Россія, подобная мѣра (изъятіе кредитнаго обращенія изъ вѣдѣнія государства) имѣетъ совершенно второстепенное значеніе. Здѣсь необходимо дать возможно точныя гарантіи независимости Государственнаго Банка относительно прочаго финансоваго управленія. Во всякомъ случаѣ это принесетъ нѣкоторую пользу, и по меньшей мѣрѣ такую же, какъ учреж-

деніе самостоятельныхъ банковъ, которые, какъ показываетъ исторія банковъ Англіи, Австріи, Италіи и отчасти Франціи и Сѣверной Америки, не могутъ спастись въ эпоху государственныхъ кризисовъ отъ финансовой эксплуатаціи въ силу правила: „нужда не знаетъ закона“ *),

Это мнѣніе Вагнера не было раздѣляемо переводчикомъ названнаго сочиненія Н. Х. Бунге, который полагалъ, что Государственный Банкъ, независимый отъ государства—дѣло совершенно невозможное и является непримиримымъ противорѣчіемъ.

Едва ли слѣдуетъ доказывать, что зависимость банка отъ правительства вообще, при невмѣшательствѣ въ его дѣла финансовыхъ органовъ, вполнѣ гарантируетъ его самостоятельность и полную устойчивость.

Всѣ правительственныя власти, кромѣ финансовыхъ, въ странѣ, гдѣ не существуетъ отвѣтственныхъ кабинетовъ, ничуть не заинтересованы въ томъ, чтобы оказывать вліяніе на дѣла центральнаго банка и черпать изъ него средства для своихъ надобностей въ обыкновенное время. О крити-

*) А. Вагнеръ. «Русскія бумажныя деньги», пер. Н. Бунге Кіевъ, 1871 г., стр. 369—370.

ческихъ моментахъ говорить не приходится; здѣсь исчезаютъ всякія гарантіи, такъ какъ по остроумному выраженію А. Вагнера „нужда не знаетъ закона". Мы готовы согласиться съ Н. Х. Бунге, что Государственный Банкъ независимый отъ Государства—дѣло совершенно невозможное, но Государственный Банкъ, независимый отъ финансоваго вѣдомства—дѣло совершенно возможное. Достаточно поставить Государственный Банкъ подъ постоянный надзоръ независимаго коллегіальнаго учрежденія, подчинить этому учрежденію управляющаго банкомъ и устроить при этой коллегіи независимую канцелярію, чтобы почти всецѣло оградить Государственный Банкъ отъ вмѣшательства финансоваго управленія.

Такую именно цѣль преслѣдовали учредители Совѣта Государственныхъ кредитныхъ установленій, когда они говорили, что „бывъ независимы въ своихъ разсужденіяхъ они (члены Совѣта) не могутъ нарушить долга на нихъ возлагаемаго, и Монархомъ, и Закономъ, и честью, и довѣренностью согражданъ, къ тому ихъ избравшихъ." Посредствомъ сего установленія, Правительство, можно сказать, само воздвигаетъ между

своими обязанностями и возможностью нарушать такую преграду, которую оное не может нарушить безъ потрясенія всей системы кредита".

Выше нами было уже въ достаточной степени выяснено, почему - мысли, такъ ясно выраженныя въ разсужденіяхъ Государственнаго Совѣта относительно независимости Государственныхъ кредитныхъ установленій остались мертвой буквой, а учрежденный въ 1817 г. Совѣтъ Государственныхъ кредитныхъ установленій превратился сейчасъ же на первыхъ порахъ въ нѣчто неподвижное и мертвое. Если въ этой безуспѣшности можно винить учредителей названнаго Совѣта, то только за то, что они недостаточно прочно поставили его въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій. Совѣтъ Государственныхъ кредитныхъ установленій не оказался на высотѣ своей задачи, потому что онъ не располагалъ своимъ собственнымъ исполнительнымъ органомъ; слово расходилось съ дѣломъ, которое находилось въ рукахъ заинтересованной стороны, направлявшей все въ свою пользу.

Не имѣя въ виду писать проекта организаціи надзора за дѣятельностью Государ-

ственнаго Банка, мы считаемъ однако не лишнимъ намѣтить въ общихъ чертахъ основныя начала этой организацiи.

Высшее наблюденiе надъ банкомъ должно быть возложено на Совѣтъ, составъ и обязанности котораго въ значительной степени отличаются отъ нынѣ существующаго.

Составъ Совѣта долженъ быть рекрутированъ изъ выдающихся по своимъ финансовымъ познанiямъ членовъ Государственнаго Совѣта и сенаторовъ, а также изъ представителей отъ сословiй, биржевыхъ комитетовъ, именитаго купечества, представителей финансовой науки и банковой практики.

Коллегiя эта, состоящая изъ 15 лицъ находится подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента экономiи Государственнаго Совѣта или другого лица по непосредственному избранiю Высочайшей власти.

Предсѣдатель этой коллегiи, будь это совѣтъ или комитетъ банка, (дѣло не въ названiи) разсматривается какъ глава Государственнаго Банка, подобно тому какъ Имперскiй Канцлеръ состоитъ президентомъ Германскаго Имперскаго Банка. Въ распоряженiи предсѣдателя находится канцелярiя, кото-

рая разсматривается какъ составная часть государственной канцелярiи и завѣдыванiе дѣлопроизводствомъ ея поручается особому статсъ-секретарю. Совѣтъ собирается еженедѣльно въ зданiи банка и здѣсь Управляющiй Банкомъ, назначаемый по представленiю предсѣдателя Совѣта Высочайшей властью, докладываетъ о дѣятельности банка за истекшую недѣлю и высказываетъ свои мнѣнiя относительно предстоящей своей дѣятельности. Въ случаяхъ, требующихъ немедленнаго принятiя извѣстныхъ мѣръ, не предусмотрѣнныхъ въ уставѣ Банка, Управляющiй банкомъ вправѣ дѣйствовать самостоятельно, причемъ въ ближайшемъ засѣданiи Совѣта онъ докладываетъ о своихъ дѣйствiяхъ.

Ближайшее управленiе Банкомъ возлагается на управляющаго и его двухъ помощниковъ, а также директоровъ, которые вмѣстѣ съ тремя членами Совѣта, назначаемыми изъ числа 15 его членовъ по выбору предсѣдателя на одинъ годъ, составляютъ Правленiе банка, которое собирается для обсужденiя всѣхъ текущихъ вопросовъ по усмотрѣнiю Управляющаго, предсѣдательствующаго въ Правленiи. Въ предѣлахъ,

указанныхъ уставомъ, Управляющій дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно и только въ тѣхъ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда является необходимость выйти изъ рамокъ устава, онъ докладываетъ Совѣту, а если дѣло требуетъ немедленнаго исполненія, то онъ въ правѣ немедленно же принять необходимыя мѣры и въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта объяснить причины такой поспѣшности.

При такой организаціи управленія банкомъ, главный и отвѣтственный его руководитель совершенно независимъ отъ финансоваго управленія, дѣйствуетъ и распоряжается самостоятельно, сознавая лишь, что онъ отвѣтственъ предъ высшей коллегіей, обсуждающей его дѣйствія.

Члены Совѣта назначаются Высочайшей властью на три года; они не получаютъ опредѣленнаго годоваго содержанія, а лишь разовое за каждое засѣданіе вознагражденіе, за исключеніемъ тѣхъ трехъ членовъ, которые командируются въ Правленіе банка. Они получаютъ опредѣленное содержаніе, согласно росписанію. При обсужденіи въ Совѣтѣ дѣйствій Правленія, члены его присутствуютъ въ Совѣтѣ, но рѣшающаго голоса не имѣютъ. Управляющій банкомъ

является отвѣтственнымъ за свои дѣйствія предъ Совѣтомъ и можетъ быть смѣненъ по представленію Предсѣдателя Совѣта Высочайшей властью.

Такова организація центральнаго управленія Государственнымъ Банкомъ. Что же касается провинціальныхъ органовъ банка — конторъ и отдѣленій, то должно быть введено начало децентрализаціи. Въ вѣдѣніи каждой конторы состоятъ отдѣленія и агентства даннаго раіона.

Управляющіе конторами всецѣло подчинены Управляющему Банкомъ, который отвѣтственъ за ихъ дѣйствія. Совѣтъ вправѣ командировать кого либо изъ своихъ членовъ для ознакомленія съ дѣятельностью конторъ и отдѣленій. Управляющіе конторами должны быть избираемы по преимуществу изъ мѣстныхъ дѣятелей, знакомыхъ съ торгово-промышленной жизнью даннаго раіона и пользующихся уваженіемъ и довѣріемъ на мѣстѣ. Не совсѣмъ подробное знакомство такихъ вліятельныхъ мѣстныхъ дѣятелей съ техникой банковаго дѣла не можетъ служить препятствіемъ къ занятію ими должности управляющихъ. Этотъ пробѣлъ можетъ

быть пополненъ назначеніемъ ему помощника изъ числа опытныхъ банковыхъ дѣятелей. Тотъ-же принципъ при выборѣ управляющихъ долженъ быть принятъ и въ отдѣленіяхъ, такъ какъ успѣшность банковой дѣятельности зависитъ не столько отъ знакомства съ банковой техникой, а отъ знанія мѣстныхъ условій и отъ довѣрія, какое питаютъ кліенты банка къ лицу, стоящему во главѣ отдѣленій и конторъ. Принятая нынѣ система посылки управляющихъ отдѣленій изъ Петербурга изъ числа лицъ прошедшихъ школу банковой техники, но не знакомыхъ съ мѣстными условіями—должна быть признана несоотвѣтствующей, ни съ интересами торговли и промышленности, ни съ цѣлями и задачами банка.

Въ этомъ направленіи должна, по нашему мнѣнію, идти реформа Государственнаго Банка по вопросу объ его организаціи, но на ряду съ этимъ уставъ банка долженъ подлежать коренному пересмотру, такъ какъ въ роли центральнаго эмиссіоннаго банка Государственный банкъ не можетъ производить тѣхъ операцій, которыя допущены по нынѣ дѣйствующему

уставу. Весь третій отдѣлъ устава (ст. 89—126) долженъ быть прямо исключенъ, такъ какъ въ задачу центральнаго банка не входитъ выдача промышленныхъ ссудъ подъ соло векселя съ обезпеченіемъ, ни тѣмъ болѣе выдача ссудъ подъ товары.

Никто не станетъ спорить, что такого рода поощреніе, оказываемое промышленности очень полезно, но центральный банкъ въ интересахъ своей устойчивости, а главное въ цѣляхъ упроченія денежнаго обращенія, не долженъ открывать кредита подъ трудно реализуемыя цѣнности. Онъ можетъ всякими способами поощрять возникновеніе банковъ для промышленнаго кредита, но самъ не вправѣ входить въ какія либо рискованныя предпріятія. Точно также непосредственное открытіе мелкихъ кредитовъ не входитъ въ кругъ дѣятельности центральныхъ банковъ, которые только служатъ руководителями денежнаго обращенія страны. Выше мы привели по этому поводу мнѣніе Л. Бамбергера, который предупреждаетъ центральные банки отъ увлеченій. Крупные банки, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ своей книги объ эмиссіонныхъ банкахъ, не должны гнаться за кліентами, эти

послѣдніе сами явятся и только такія операціи неопасны для центральныхъ банковъ, которыя вытекаютъ непосредственно изъ краткосрочнаго торговаго оборота.

Намъ скажутъ, что, съ превращеніемъ Государственнаго Банка въ центральный эмиссіонный банкъ, пострадаетъ промышленность, какъ крупная такъ и мелкая, что самостоятельность Государственнаго Банка будетъ куплена цѣной тяжелыхъ жертвъ, но эти жертвы намъ кажутся не особенно великими, такъ какъ, во 1-хъ, при всемъ желаніи составителей новаго устава, Государственный Банкъ едва ли можетъ справиться съ дѣломъ промышленнаго кредита, во 2-хъ, покровительство промышленности путемъ кредита можетъ быть оказываемо Государственнымъ Банкомъ не непосредственно, а поощреніемъ всякого рода кредитныхъ учрежденій, какъ частныхъ такъ и общественныхъ. Вопросу объ отношеніи Государственнаго Банка къ частнымъ и общественнымъ банкамъ будетъ посвящена особая глава.

Глава VI.

Государственный банкъ и частныя кредитныя учрежденія.

Вопросъ объ отношеніи Государственнаго банка къ существующимъ у насъ всякого рода кредитнымъ учрежденіямъ пріобрѣтаетъ очень серьезное значеніе въ случаѣ, если, одновременно съ реформой денежнаго обращенія, Государственный Банкъ будетъ поставленъ въ подобающія центральному эмиссіоному банку рамки, которыя должны значительно съузить кругъ его операцій.

За послѣднее время Государственный Банкъ постепенно расширялъ кругъ своихъ операцій, стремясь въ данномъ случаѣ вступить въ ожесточенную конкуренцію съ частными банками, что, понятно, не могло не отразиться на характерѣ ихъ дѣятельности. Трудно допустить, чтобы это стремленіе Государственнаго Банка вступить въ конку-

ренцію съ частными банками было вызвано желаніемъ сдѣлать эти послѣдніе ненужными, такъ какъ дѣятельность этихъ послѣднихъ, при всѣхъ недостаткахъ, о которыхъ скажемъ ниже, нельзя не признать полезной для интересовъ торговли, въ особенности крупной. Скорѣе всего нужно думать, что этой конкуренціей Государственный Банкъ пожелалъ вызвать большее соревнованіе частныхъ банковъ и направить ихъ на болѣе правильный путь.

До 1893 года, когда была запрещена спекуляція съ кредитнымъ рублемъ, русскіе акціонерные банки краткосрочнаго кредита, за весьма малыми исключеніями, значительную часть своихъ средствъ затрагивали на биржевую спекуляцію, очень мало заботясь объ интересахъ торговли и промышленности.

Наша торговля и промышленность не нуждалась и въ десятой долѣ тѣхъ заграничныхъ векселей, съ которыми производились сдѣлки на биржѣ, между тѣмъ вниманіе банковъ было направлено въ сторону этой послѣдней съ исключительной цѣлью нажить что нибудь на разницѣ въ курсѣ кредитныхъ рублей.

Если смотрѣть на акціонсрные банки, какъ на учрежденія частныя, го никто, конечно, не вправѣ вторгаться въ ихъ внутренюю жизнь и критиковать ихъ дѣятельность, точно также, какъ нельзя сказать частному капиталисту: „совершай тѣ, а не другія операціи"; но дѣло въ томъ, что акціонерные банки далеко не могутъ быть разсматриваемы, какъ учрежденія исключительно частныя; въ нихъ есть элементъ публичный, такъ какъ они имѣютъ громадное вліяніе на весь строй народного хозяйства, въ особенности у насъ, гдѣ учрежденіе банка связано съ очень трудно получаемой концессіей. При этихъ условіяхъ публика относится къ нимъ съ довѣріемъ, помѣщая здѣсь вклады, текущіе счета и т. д,

Казалось бы, что акціонерные банки, въ погонѣ за барышами, должны были бы расширять свои операціи до значительныхъ размѣровъ и искать повсюду, гдѣ только возможно, помѣщенія для своихъ средствъ, но въ дѣйствительности мы видимъ совершеннно обратное явленіе. Частные банки не только не оказываютъ серьезной помощи торговлѣ и промышленности, но отвлекаютъ отъ этой послѣдней капиталы для биржевыхъ операцій.

Разсмотримъ въ отдѣльности каждую изъ операцій частныхъ банковъ.

Самая важная и полезная операція учета векселей развита въ частныхъ банкахъ, за весьма малымъ исключеніемъ, очень слабо.

По балансамъ коммерческихъ банковъ на 1 Января 1895 г. оборотныя ихъ средства достигли цифры въ 475 мил. р., изъ которыхъ только около 195 мил. т. е. 40%, были помѣщены въ операцію учета векселей и другихъ срочныхъ обязательствъ. Если разсмотрѣть балансы отдѣльныхъ коммерческихъ банковъ, то мы замѣтимъ, что два - три банка, располагающія значительнымъ числомъ отдѣленій и комиссіонерствъ —дѣйствительно расширяютъ коммерческій кредитъ, остальные же ютящіеся въ столицахъ и крупныхъ центрахъ, стягиваютъ къ себѣ множество капиталовъ, но оказываютъ весьма малое вліяніе на ходъ торгово-промышленной жизни.

Въ настоящее время, когда спекуляція съ курсомъ отошла въ область преданій, на сцену выступила спекуляція съ промышленными цѣнностями. Этой-то спекуляціи банки очень покровительствуютъ, причемъ они стремятся искусственно создавать по

возможности больше „биржеваго матеріала“. Сильно развитая въ послѣднее время грюндерская горячка на руку крупнымъ банкамъ, которые, сплошь да рядомъ, принимаютъ дѣятельное участіе въ созданіи, непремѣнно, крупныхъ милліонныхъ предпріятій. Сперва эти дѣла обрабатываются въ тиши директорскихъ кабинетовъ, а потомъ смотришь на рынкѣ появляется новая бумага, которую уже котируютъ на биржѣ не по номинальной цѣнѣ, а съ преміей. Когда бумага эта размѣщена и публика повѣрила широковѣщательнымъ обѣщаніямъ эмиттентовъ—банки умываютъ руки, а новое предпріятіе не даетъ дохода, или обѣщаетъ таковой въ отдаленномъ будущемъ; цѣна такихъ бумагъ падаетъ и въ убыткѣ оказывается публика.

Само собой разумѣется, что это обстоятельство не служитъ доказательствомъ вреднаго вліянія биржи. Эта послѣдняя, безъ сомнѣнія, оказываетъ услугу промышленной дѣятельности страны, поддерживая предпріимчивость во всѣхъ отрасляхъ; она не виновата, если эммиссіонная дѣятельность банковъ и частныхъ эмиттентовъ лишена всякой правильной организаціи, кромѣ

недавно введеннаго постановленія, что акціи новыхъ предпріятій не могутъ котироваться на биржѣ до опубликованія перваго годоваго отчета. Благодаря этому постановленію, всякое вновь учреждаемое акціонерное общество, если оно не ограничивается только тѣснымъ семейнымъ кругомъ наслѣдниковъ, прибѣгшихъ къ акціонерной формѣ, для болѣе удобнаго пользованія имуществомъ, непремѣнно должно пройти черезъ руки какого нибудь банка, который стремится снять со всякого дѣла пѣнки, а потомъ развязаться съ нимъ по возможности скорѣе.

Концентрація капитала для промышленныхъ цѣлей—вещь безусловно необходимая и способствовать этой концентраціи дѣло кредитныхъ учрежденій, которыя могутъ служить посредниками между лицами, нуждающимися въ капиталѣ и располагающими имъ. Но бѣда въ томъ, что наши банки и въ этой операціи стали на какую-то особенную точку зрѣнія. Они не идутъ на встрѣчу всякому солидному промышленному дѣлу, которое обезпечиваетъ хорошій и постоянный доходъ, а наоборотъ, для нихъ такія дѣла не представляютъ ни-

чего заманчиваго, такъ какъ они требуютъ серьезнаго изученія всѣхъ условій рынка и промышленной дѣятельности. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, брать на себя роль піонеровъ въ новыхъ отрасляхъ промышленности, когда можно идти по протореннымъ дорожкамъ и пользоваться настроеніемъ публики, падкой до подражанія?

Въ краткой, но весьма поучительной исторіи нашего недавняго гарюндерства, можно найти подтвержденіе нашей мысли.

Стоило только биржѣ высоко оцѣнить бумагу какого нибудь желѣзодѣлательнаго завода, дѣйствительно работающаго съ пользою для себя, и банки ни о чемъ другомъ и слыщать не хотятъ, какъ объ учрежденіи обществъ для эксплоатаціи желѣзодѣлательныхъ и паровозостроительныхъ заводовъ. Всякій вздорный проектъ, касающійся этой отрасли, тщательно изучается и встрѣчаетъ содѣйствіе къ осуществленію со стороны многихъ банковъ, разсчитывающихъ, конечно, не на успѣхъ предпріятія, на его пользу для промышленности, а исключительно на увлеченіе публики такого рода цѣнностями. Тоже самое замѣчается и въ области вагоностриртельной, каменноугольнаго, нефтяного дѣла, стекольнаго производства и т. п.

Преслѣдуя исключительную цѣль—перепродать акціи вновь возникающихъ предпріятій съ преміей, банки охотно берутся за реализацію такихъ „модныхъ“ въ данное время предпріятій, которыя требуютъ крупнаго складочнаго капитала, напр. въ 2 - 3 милліона, а съ предпріятіями въ 300—500 тысячъ, по ихъ мнѣнію возиться не стоитъ. На этихъ „пигмеевъ“ промышленности не стоитъ и обращать вниманія, а тѣмъ болѣе, тратить время на изученіе и изслѣдованіе. При крупномъ дѣлѣ сразу можно сорвать кушъ на радость и удовольствіе акціонеровъ.

Если такихъ крупныхъ дѣлъ нѣтъ, то приходится сидѣть, сложа руки и ждать, авось такія подвернутся, но думать о томъ, что на обширной русской землѣ разбросана масса природныхъ богатствъ, требующихъ приложенія капитала и умѣлой промышленной руки, чтобы получать вѣрный доходъ безъ всякаго риска, — объ этомъ банки не печалятся; имъ нѣтъ дѣла до русской промышленности и ея интересовъ.

Относительно другихъ, свойственныхъ коммерческимъ банкамъ, операцій приходится отмѣтить то-же полное равнодушіе

къ интересамъ промышленности и торговли.

Лица, стоящія во главѣ банковъ — по преимуществу люди, не вышедшіе изъ торгово-промышленнаго класса, и не связанные съ этимъ послѣднимъ никакими тѣсными узами и даже незнающіе условій русской торговли и промышленности. Это, по преимуществу, техники банковаго дѣла, великолѣпные арбитреры, биржевики, бухгалтеры, но ничуть не коммерсанты. Само собой разумѣется, что при этихъ условіяхъ банку не легко—состоять въ постоянномъ общеніи съ представителями торгово-промышленнаго міра, знать положеніе дѣлъ всякого, кто обращается въ банкъ за кредитомъ; поэтому кругъ кліентовъ банковъ очень ограниченъ и охватываетъ незначительное число, или самыхъ крупныхъ промышленниковъ, всѣмъ извѣстныхъ по своему богатству и солидности своихъ дѣлъ, или просто лицъ, сдѣлавшихся посредниками между банками и торгово-промышленнымъ классомъ.

Такимъ образомъ учетная операція развивается весьма медленно и если просмотримъ книгу какого либо банка, гдѣ записаны

учтенные векселя, то передъ глазами будетъ пестрѣть масса векселей, но очень мало именъ. Только самыя извѣстныя фирмы могутъ пользоваться кредитомъ, для остальныхъ же частные банки закрываютъ свои двери.

Операція - ссудъ подъ процентныя бумаги и такъ называемый спеціальный текущій счетъ—идетъ нѣсколько успѣшнѣе, но за то эта операція не имѣетъ коммерческой подкладки. Купецъ или промышленникъ, нуждающійся въ ссудѣ, въ очень рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ этой формѣ кредита, такъ какъ она сравнительно дорога въ нашихъ частныхъ банкахъ; кромѣ того, купцы и промышленники рѣдко располагаютъ такимъ значительнымъ количествомъ процентныхъ бумагъ, чтобы онѣ могли служить обезпеченіемъ необходимаго имъ кредита. Если, не смотря на это, въ частныхъ банкахъ эта операція развивается, то это объясняется тѣмъ, что мелкіе спекулянты, которые не располагаютъ собственными капиталами, черпаютъ свои средства изъ частныхъ банковъ, путемъ залога своихъ процентныхъ бумагъ, которыя служатъ обезпеченіемъ при операціи. Операція спеціальнаго

текущаго счета (on call) создаетъ цѣлый кругъ мелкихъ спекулянтовъ, которые представляютъ собою вродѣ спутниковъ большого свѣтила — банка. Изъ числа всѣхъ кліентовъ банка по ссудной операціи, большая половина состоитъ изъ такихъ спекулянтовъ.

Обращаясь къ другимъ операціямъ, укажемъ на коммисіонную и отчасти варрантную, которыя развиваются очень слабо, но и тутъ предметами оборота служатъ хлѣбъ и сахаръ, подверженные значительному колебанію цѣнъ и слѣдовательно, служащіе орудіемъ для спекуляціи.

Изъ сказаннаго ясно, что наши акціонерные банки, за весьма немногими исключеніями, уклонились отъ нормальнаго пути и не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя были возложены на нихъ въ моментъ учрежденія. Они оказали очень мало пользы торговлѣ и еще меньше промышленности, создавъ за то усиленную торговлю денежными цѣнностями.

На Западѣ, гдѣ существуетъ масса промышленныхъ учрежденій, большое количество акцій и облигацій этихъ промышленныхъ предпріятій можетъ служить предме-

томъ торговли, причемъ цѣна ихъ установляется въ зависимости отъ условій производства, рынковъ сбыта, величины дивиденда и т. п. Тамъ эта спекуляція вполнѣ естественна и имѣетъ подъ собой почву, у насъ же, при слабомъ развитіи промышленности, когда на биржѣ обращается только десятокъ разнаго рода промышленныхъ бумагъ, устремлять вниманіе исключительно на биржу очень вредно, какъ для банковъ, такъ и для промышленнаго преуспѣянія страны.

Въ послѣдне время число промышленныхъ предпріятій Россіи сильно возросло, но, если прослѣдить исторію возникновенія каждаго такого предпріятія, можно замѣтить что банкамъ обязаны очень немногіе и притомъ самые спекулятивные.

Причину такого ненормальнаго положенія вещей должно искать отчасти въ самыхъ банкахъ, отчасти внѣ ихъ.

Къ внѣшнимъ условіямъ, препятствующимъ правильной постановкѣ кредита, должно отнести слабое развитіе отдѣленій у большинства нашихъ акціонерныхъ банковъ. Только два банка (Волжско-камскій и Азовско-Донской) поняли значеніе филіальныхъ органовъ для банка, оперирующаго въ та-

кой обширной странѣ, какъ Россія; остальные же банки, или совсѣмъ не имѣютъ отдѣленій, или ограничились однимъ, двумя пунктами.

Отсутствіе отдѣленій нельзя ставить въ вину банкамъ, а скорѣе министерству финансовъ, которое до послѣдняго времени ставило этому преграды.

Но и сами руководители банковъ отличались полной бездѣятельностью и весьма мало заботились о расширеніи своихъ операцій. Во главѣ банковъ большею частью стоятъ люди, получившіе свое образованіе за конторками берлинскихъ, лондонскихъ и амстердамскихъ банковъ, мало знающіе Россію и ея нужды. Отъ нихъ нельзя ждать, чтобы они пошли на встрѣчу развивающейся русской промышленности.

У насъ кричатъ, что Ротшильдъ захватилъ всю нефтяную промышленность въ свои руки, но кто же мѣшалъ нашимъ банкамъ—оказать кредитъ русскимъ піонерамъ нефтяной промышленности и явиться хозяевами этого дѣла?

Говорятъ, что французскія, бельгійскія компаніи завоевываютъ наши горныя богатства, но вѣдь наши промышленники, начав-

шіе разработку каменнаго угля, не могутъ дождаться, пока какому-нибудь арбитреру, держащему въ своихъ рукахъ частный кредитъ Россіи, не придетъ въ голову оказать содѣйствіе кредитомъ каменноугольной промышленности.

Нашимъ акціонернымъ банкамъ предстоитъ великое будущее, если они сообразятъ, что наше обширное отечество изобилуетъ всякого рода богатствами и стомилліонымъ трудолюбивымъ населеніемъ, а тамъ, гдѣ есть трудъ и природныя богатства хранятся въ нѣдрахъ земли · тамъ нуженъ кредитъ, который, какъ цементъ свяжетъ эти два элемента и разольетъ благосостояніе по всей странѣ.

Въ то время, какъ частные банки держались въ отдаленіи отъ промышленности, нашъ Государственный банкъ, согласно новому уставу, взялъ на себя тяжелую миссію идти на встрѣчу растущей отечественной промышленности. Онъ выступилъ въ качествѣ піонера промышленнаго кредита, забывая, что его неуспѣхъ не создастъ подражателей, а скорѣе отшатнетъ отъ этого дѣла тѣ банки, которымъ эта операція болѣе по плечу.

Выше мы указали, что, съ введеніемъ металлическаго обращенія и превращеніемъ Государственнато банка въ центральный эмиссіонный банкъ, кругъ его операцій долженъ значительно сократиться. Онъ долженъ будетъ въ интересахъ устойчивости денежнаго обращенія — ограничиться учетомъ краткосрочныхъ торговыхъ векселей и выдачей ссудъ подъ обезпеченіе процентными бумагами въ небольшомъ, сравнительно, объемѣ, а о промышленномъ кредитѣ, мелкихъ ссудахъ и соло-векселяхъ совершенно забыть.

Тутъ-то открывается широкое поле дѣятельности для частныхъ общественныхъ и народныхъ банковъ и вмѣсто того, чтобы самому Государственному банку взяться за производство сложныхъ операцій – ему придется ограничиться—поддержкой тѣхъ кредитныхъ учрежденій, которыя при его содѣйствіи явятся на помощь промышленности, какъ мелкой, такъ и крупной.

Въ качествѣ центральнаго банка, вѣдающаго кредитъ страны, Государственному банку придется, выражаясь высокимъ слогомъ, парить надъ всѣми банками, руководить ими, воодушевлять къ полезной дѣя-

тельности, объединяя разрозненныя силы, и направляя равномѣрно во всѣ стороны хозяйственной дѣятельности.

Въ нестоящее время, въ Россіи дѣйствуютъ 34 акціонерныхъ банка коммерческаго кредита съ 148 филіальными отдѣленіями съ основнымъ капиталомъ въ 122,6 милл. р. вкладами на сумму 307,3 милл. и займами на 44,3 милл. р. Вся сумма оборотныхъ средствъ составляла 475 милл. р.

Всѣ эти банки работали, по преимуществу, въ центрахъ торговли, и не смотря на полное однообразіе ихъ дѣятельности, онѣ лишены были какихъ либо общихъ интересовъ и стремленій. Каждый изъ банковъ работалъ въ одиночку, вступая нерѣдко въ конкурренцію между собой, но къ сожалѣнію, эта конкурренція не привела къ тому чтобы отдѣльныя отрасли промышленности и торговли встрѣчали преимущественную поддержку въ томъ или другомъ банкѣ. Спеціализація дѣятельности была чужда русскимъ акціонернымъ банкамъ, благодаря тому, что они лишены были общаго руководительства.

Съ возникновеніеиъ у насъ коммерческихъ банковъ, мысль объ объединеніи дѣя-

тельности серьезно волновала умы многихъ піонеровъ банковаго дѣла. Въ Октярѣ 1873 г., представители нѣкоторыхъ изъ акціонерныхъ банковъ коммерческаго кредита обратились къ тогдашнему управляющему Государственнымъ Банкомъ, Е. И. Ламанскому, съ запиской, въ которой довольно подробно была развита идея необходимости періодическихъ съѣздовъ представителей банковъ для разработки вопросовъ, касающихся банкового дѣла. Это ходатайство было уважено и по всеподданнѣйшему докладу Министра Финансовъ, Н. Х. Рейтерна, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе – созвать въ Петербургѣ съѣздъ представителей акціонерыыхъ банковъ, коммерческаго кредита съ назначеніемъ его предсѣдателемъ Е. И. Ламанскаго.

Предъ нами стенографическій отчетъ этого перваго банкового съѣзда въ Россіи. Когда читаешь рѣчи представителей акціонерныхъ банковъ на тебя вѣетъ какой-то молодостью, стремленіемъ создать что нибудь полезное и направить дѣятельность акціонерныхъ банковъ на правильный путь содѣйствія торгово-промышленной жизни страны.

По инициативѣ этого перваго съѣзда образованъ былъ въ Петербургѣ Комитетъ представителей акціонерныхъ банковъ коммерческаго кредита, который, если не ошибаемся, существуетъ до сихъ поръ, но о съѣздахъ представителей банковъ, объ общемъ руководительствѣ ими и солидарности и помину уже нѣтъ. Первый съѣздъ оказался послѣднимъ и съ тѣхъ поръ банки были предоставлены самимъ себѣ.

Государственный банкъ отказался отъ своей руководительской роли и акціонерные банки пошли своей дорогой, лишенные общаго плана и всякой нравственной поддержки со стороны центральнаго банка, обязанность котораго состояла не только въ томъ, чтобы способствовать спекулятивной дѣятельности банковъ, а въ томъ, чтобы направлять ихъ на правильный путь – содѣйствія русской промышленности.

Въ такомъ-же точно безпомощномъ положеніи, какъ и акціонерные банки очутились и другія учрежденія краткосрочнаго кредита, какъ городскіе банки, общества взаимнаго кредита и ссудо-сберегательныя товарищества. У насъ существуютъ около 238 городскихъ банковъ, но каждый изъ

нихъ дѣйствуетъ особнякомъ, никакой солидарности и общности интересовъ мы здѣсь не замѣчаемъ, благодаря тому, что Государственный Банкъ и тутъ не оказался на высотѣ своей задачи и ничего не сдѣлалъ для поощренія и упроченія этого рода кредитныхъ учрежденій.

Къ 1895 году насчитываютъ въ Россіи 98 обществъ взаимнаго кредита, изъ кото рыхъ почти всѣ возникли въ періодъ между 1864 и 1882 годами. Съ тѣхъ поръ, т. е. въ теченіе почти 14 лѣтъ, возникли только 4 общества и то весьма незначительныя. И тутъ мы замѣчаемъ, что Государственный Банкъ, въ началѣ весьма поощрявшій кредитныя учрежденія, основанныя на началахъ самопомощи, впослѣдствіи сталъ холодно относиться и къ обществамъ взаимнаго кредита, упустивъ изъ виду, что задача всякаго центральнаго банка состоитъ въ томъ, чтобы вызывать къ жизни побольше кредитныхъ учрежденіи, основанныхъ на началахъ взаимности и на круговой отвѣтственности.

Еще болѣе страннымъ представляется отношеніе Государственнаго Банка къ ссудосберегательнымъ товариществамъ, число ко-

торыхъ достигало одновременно до 800. Эти послѣднія учрежденія мелкаго народнаго кредита возникли въ сравнительно очень короткій промежутокъ времени, благодаря сочувствію русскаго общества и энергичной дѣятельности самоотверженныхъ піонеровъ этого дѣла. Прошли нѣсколько лѣтъ, увлеченіе общества ослабѣло и о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ стали забывать. Если-бы не постоянныя напоминанія печати и работы нѣкоторыхъ членовъ Комитета ссудо-сберегательныхъ товариществъ, въ тѣхъ сферахъ, гдѣ вѣдаются вопросы мелкаго кредита, вѣроятно и не вспомнили бы объ этихъ влачащихъ жалкое существованіе кредитныхъ учрежденіяхъ. Все это дѣло было предоставлено исключительно добровольцамъ-работникамъ на поприщѣ мелкаго народнаго кредита, причемъ Государственный банкъ не интересовался даже отчетами Комитета и положеніемъ этого вопроса въ странѣ.

Таковы были отношенія Государственнаго Банка къ частнымъ и общественнымъ кредитнымъ учрежденіямъ въ послѣдніе годы дѣйствія стараго его устава (1860 г.). Къ сожалѣнію и новый уставъ въ этомъ на-

правленіи ничего не сдѣлалъ. Расширивъ кругъ своихъ операціи вплоть до мелкаго кредита, Государственный Банкъ какъ бы совсѣмъ забылъ о существованіи цѣлой тысячи кредитныхъ учрежденій, требующихъ въ интересахъ народнаго хозяйства руководительства и поддержки со стороны крупнаго центральнаго банка; интересы этихъ послѣднихъ были упущены изъ виду; вмѣстѣ съ тѣмъ Государственный Банкъ сталъ на ложный путь, полагая, что онъ въ состояніи, безъ содѣйствія частныхъ и общественныхъ кредитныхъ установленій, удовлетворить всю потребность населенія въ кредитѣ.

Въ настоящее время, когда Государственный Банкъ, благодаря предстоящей денежной реформѣ, возводится опять на свой прежній пьедесталъ, съ котораго онъ былъ свергнутъ уставомъ 6 Іюня 1894 г., и ему будутъ даны всѣ прерогативы центральнаго эмиссіоннаго банка, не слѣдуетъ забывать, что частныя и общественныя кредитныя учрежденія и народные банки служатъ фундаментомъ для всякаго крупнаго центральнаго банка. Для упроченія этого фундамента нынѣ пошатнувшагося, необходимо, чтобы Государственный Банкъ взялъ на себя ру-

ководительство частнымъ кредитомъ страны, объединилъ бы дѣятельность акціонерныхъ банковъ и направилъ бы ихъ на полезный для интересовъ промышленности путь.

Само собой разумѣется, что здѣсь не должно быть мѣста вмѣшательству во внутренніе распорядки частныхъ банковъ, а только общее наблюденіе и высшее руководительство, основанное на соглашеніяхъ и взаимныхъ уступкахъ.

По отношенію къ обществамъ взаимнаго кредита - политика Государственнаго Банка можетъ идти еще дальше. Путемъ поощренія къ устройству такого рода обществъ и поддержки существующихъ уже—Государственный Банкъ окажетъ гораздо больше услугъ странѣ, чѣмъ если онъ самъ пойдетъ по торному пути промышленныхъ ссудъ и мелкаго кредита.

Годъ тому назадъ утверждено положеніе о мелкомъ кредитѣ, но до сихъ поръ, кромѣ спеціально для этой цѣли утвержденнаго штата служащихъ въ Государственномъ Банкѣ, ничего не сдѣлано въ этомъ направленіи. Бездѣйствіе Государственнаго Банка въ этой области явленіе совершенно понятное—это можно было заранѣе предви-

дѣть, такъ какъ для насажденія мелкаго кредита недостаточно одного только желанія - выдавать ссуды.

По 1 Января 1894 г. въ Россіи утверждено около 1,500 уставовъ ссудосберегательныхъ товариществъ, добрая треть разрѣшенныхъ товариществъ даже не открылась,—вторая треть влачитъ жалкое существованіе, а остальныя товарищества упрочились тамъ, гдѣ внѣшнія обстоятельства не ставили особенно сильныхъ преградъ.

Какія-же это однако преграды, тормозящія дѣла народнаго кредита? Первымъ и самымъ главнымъ препятсгвіемъ чисто внѣшняго свойства - это отсутствіе какого либо законодательства о товариществахъ. Нашъ торговый уставъ, значительно устарѣвшій, не содержитъ въ себѣ иикакихъ постановленій объ учрежденіяхъ мелкаго кредита, а уставъ кредитный касается этихъ учрежденій лишь вскользь, посвятивъ этому важному народному институту всего 4 статьи.

Во всѣхъ государствахъ Европы, гдѣ мелкій кредитъ достигъ значительнаго развитія, однимъ изъ главныхъ стимуловъ возникновенія учрежденій этого рода служило то обстоятельство, что всякому лицу или

группѣ лицъ, пожелавшимъ учредить мелкое кредитное товарищество, достаточно было справиться съ торговымъ кодексомъ или съ специальнымъ узаконенiемъ о товариществахъ, чтобы выяснить себѣ тѣ основанiя, по которымъ этому новому учрежденiю придется дѣйствовать. Не нужно было заботиться о разрѣшенiяхъ, о выработкѣ уставовъ, посылкѣ ихъ за тысячи верстъ, для полученiя правительственнаго утвержденiя. Достаточно выполнить всѣ требуемыя закономъ формальности, явиться въ мѣстный судъ, который зарегистрируетъ новый союзъ, и кредитное товарищество считается открытымъ. Такъ поставлено дѣло въ Германiи по закону 1 мая 1889 года, замѣнившему прежнiя менѣе совершенныя постановленiя о товариществахъ, то-же самое мы видимъ въ Италiи, гдѣ торговое уложенiе 1882 года исчерпываетъ вопросъ объ организацiи учрежденiй мелкаго кредита въ ст. 219—228.

У насъ, не смотря на сочувствiе правительства и общества, дѣло мелкаго кредита поставлено крайне неудовлетворительно. Отсутствiе законодательнаго постановленiя о товариществахъ и необходимость каждый

разъ обращаться за разрѣшеніе въ Петербургъ сильно тормозитъ дѣло. Казалось бы, что при выработкѣ новаго положенія о мелкомъ кредитѣ слѣдовало бы обратить вниманіе на эту аномалію, но оказывается, что составители положенія о мелкомъ кредитѣ, увлеченные благими намѣреніями, забыли, къ сожалѣнію, о необходимости спеціальнаго законодательства о товариществахъ, безъ чего росту народной самодѣятельности будутъ поставлены серьезныя преграды. Законъ о товариществахъ, который регулировалъ-бы отношенія членовъ существующихъ и вновь возникающихъ союзовъ между собой и къ третьимъ лицамъ, замѣняется опять-таки разрѣшеніемъ министра финансовъ, причемъ вводится строгая централизація при полученіи разрѣшенія на устройство кредитныхъ товариществъ и сельскихъ банковъ. Вмѣсто подробныхъ и ясныхъ постановленій закона о правахъ и обязанностяхъ лицъ, стоящихъ во главѣ мелкаго кредитнаго товарищества, о контролѣ, способѣ регистраціи и т. п. вопросахъ, на первый планъ выдвигается усмотрѣніе мелкихъ агентовъ государственнаго банка, на которыхъ возлагается обязанность надзора

за дѣятельностью учрежденій мелкаго кредита. Само-собой разумѣется, что при этихъ условіяхъ негдѣ развернуться частной инициативѣ, и новое положеніе, столь симпатичное по идѣе, вѣроятно, останется мертвой буквой.

Государственный банкъ не можетъ взять на себя инициативу закона о товариществахъ, но по отношенію къ уже существующимъ товариществамъ и сельскимъ банкамъ онъ долженъ взять на себя высшее руководительство и надзоръ.

При этихъ условіяхъ весь кредитъ страны будетъ находиться въ рукахъ Государственнаго Банка, который направляетъ его въ ту сторону, гдѣ въ немъ чувствуется наибольшая потребность. Дѣйствуя черезъ посредство руководимыхъ имъ частныхъ и общественныхъ кредитныхъ учрежденій, государственному банку не придется рисковать ввѣренными ему средствами; этимъ онъ упрочитъ свое положеніе и пріобрѣтетъ довѣріе населенія.

ГЛАВА VII.

Споры о валютѣ и монетныя конференціи.

I.

Не такъ давно, въ одномъ изъ засѣданій прусской палаты господъ, министръ фонъ-Беттихеръ заявилъ, что имперскій канцлеръ ведетъ въ настоящее время переговоры съ иностранными державами по дѣлу о созывѣ монетной конференціи, задача которой должна состоять въ выясненіи вопроса о современномъ состояніи цѣнъ на серебро и о мѣрахъ къ ихъ поднятію и укрѣпленію.

Такимъ образомъ, въ очень недалекомъ будущемъ опять соберется монетная конференція и споръ между монометаллистами и биметаллистами возгорится съ большей силой и энергіей; споръ сдѣлается болѣе конкретнымъ, такъ какъ предстоящая конференція будетъ носить офиціальный характеръ. Обѣ спорящія стороны уже готовятся

къ этому рѣшительному бою, причемъ каждая изъ нихъ заранѣе убѣждена въ непоколебимости ея доводовъ и въ правотѣ защищаемаго ею дѣла. Если предстоящая монетная конференція соберется въ 1896 году, то засѣданія ея совпадутъ съ 20-лѣтнимъ юбилеемъ возникновенія биметаллизма. Два десятилѣтія прошли недаромъ и въ теченіе этого времени удалось исчерпать вопросъ цѣликомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось убѣдиться, что путемъ теоретическихъ споровъ нельзя рѣшить вопроса, затрогивающаго столь разнородные интересы. Борьба изъ-за валюты—это борьба между двумя классами населенія; землевладѣльцами съ одной и промышленниками и рабочими съ другой стороны. Аграріи написали на своемъ знамени биметаллизмъ, а городское населеніе – золотой монометаллизмъ; но такъ какъ примирить интересы этихъ двухъ группъ населенія очень трудно, то теоретическій споръ о преимуществахъ двухмонетной системы предъ одномонетной - золотой - потерялъ всякій смыслъ. Исходя съ точки зрѣнія теоріи, обѣ стороны правы, но примиреніе едва ли состоится такъ сторо, сколько бы конференцій ни собирали и сколько бы

ни исписали бумаги о преимуществахъ биметаллизма.

Господство у насъ исключительно кредитной валюты привело къ тому, что мы стояли въ сторонѣ отъ этого горячаго спора, такъ какъ въ то время о металлѣ (серебрѣ и золотѣ) мы даже и не мечтали. Въ настоящее время, когда и мы переживаемъ подготовительный періодъ, за которымъ, вѣроятно, послѣдуетъ переходъ къ металлической валютѣ, мы не можемъ оставаться безучастными къ этому спору, а поэтому считаемъ не безъинтереснымъ ознакомить читателя съ перипетіями, которыя переживала эта борьба о валютѣ.

II.

Въ чемъ заключается сущность этого спора?

Какъ извѣстно, до конца франко-прусской войны повсемѣстно въ Европѣ и Америкѣ, кромѣ Англіи, перешедшей еще въ началѣ XIX вѣка къ золотой валютѣ, существовала двухмонетная система, заключающаяся въ томъ, что серебряная и золотая монеты были равноправными платеж-

ными знаками, причемъ отношеніе этихъ двухъ металловъ было опредѣлено закономъ и выражалось какъ 1 къ 15½ (за весьма незначительными отступленіями). Съ возникновеніемъ германской имперіи, произошелъ крутой переворотъ въ монетномъ дѣлѣ. Запасшись французской 5-милліардной контрибуціей, торжествующая Германія перешла къ золотой валютѣ, причемъ стала усиленно сбывать имѣвшіеся у нея запасы серебряной монеты. Благодаря существовавшей тогда во Франціи и во всемъ латинскомъ монетномъ союзѣ двухмонетной системѣ, на основаніи которой размѣнъ серебра на золото производился безпрепятственно - вся германская серебряная монета стала поступать на парижскій и брюссельскій монетные дворы, перечеканивалась свободно въ монету и могла быть вслѣдствіе этого размѣниваема на золото въ установленномъ отношеніи.

Это обстоятельство грозило большими опасностями латинскому монетному союзу, который могъ такимъ образомъ лишиться всего своего золота,—поэтому уже въ началѣ 1873 года, прекращена была свободная чеканка серебра на монетныхъ дворахъ латинскаго союза. Такимъ образомъ, Франція,

Бельгія и Италія фактически перешли къ золотой валютѣ, причемъ существовавшее до этого количество серебряной монеты могло лишь служить орудіемъ для платежа въ предѣлахъ каждаго изъ государствъ, входящихъ въ составъ монетнаго союза, но не для международныхъ платежей, гдѣ господствовало одно золото.

Само собой разумѣется, что этотъ фактъ имѣлъ самыя гибельныя послѣдствія для бѣлаго металла, который былъ свергнутъ съ своего пьедестала, потерялъ обаятельную прелесть монеты, и превратился въ обыкновенный товаръ, цѣна котораго устанавливается на лондонскомъ рынкѣ. Кто слѣдилъ за биржевыми бюллетенями этого рынка, тотъ знаетъ, что въ теченіе двадцати лѣтъ, начиная съ 1873 гога, цѣна серебра постепенно падала и съ 60$^7/_8$ пенсовъ за унцъ дошла до 27 пенсовъ въ декабрѣ 1894 г., т. е. понизилась на 55%. Существовавшее прежде отношеніе (1 : 15$^1/_2$) цѣнъ этихъ двухъ металловъ измѣнилось до того, что въ настоящее время это отношеніе опредѣляется, какъ 1 къ 34.

Это обезцѣненіе серебра совпало съ крупнымъ переворотомъ, происшедшимъ на

міровомъ рынкѣ. На этотъ послѣдній выступили доселѣ не участвовавшія въ немъ страны Сѣверной и Южной Америки. Съ улучшеніемъ транспорта и удешевленіемъ фрахтовъ, Австралія южная часть Африки явились конкуррентами на міровомъ рынкѣ, и существовавшія прежде отношенія на этомъ рынкѣ должны были измѣниться. Сельское хозяйство европейскаго континента не могло конкуррировать съ дѣвственной почвой Америки и Австраліи, вслѣдствіе чего обнаружился серьезный сельско-хозяйственный кризисъ, продолжающійся до настоящаго времени, и едва ли европейское сельское хозяйство оправится отъ нанесеннаго ему удара. Кризисъ вь сельскомъ хозяйствѣ отразился и на другихъ отрасляхъ промышленности ослабленіемъ сбыта многихъ товаровъ.

Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства совпали съ процессомъ обезцѣненія серебра —и вотъ цѣлая группа экономистовъ поставила разразившійся тогда кризисъ въ зависимость не отъ измѣнившихся условій міроваго рынка, а отъ единичнаго факта — перехода Германіи къ золотой валютѣ. Образовалась такимъ образомъ новая эконо-

мическая теорія, стремящаяся измѣнить современныя условія міроваго рынка монетной реформой, заключающейся въ возвращеніи къ двухмонетной системѣ.

III.

Биметаллисты (приверженцы двухмонетной системы) утверждаютъ, что причину обезцѣненія серебра должно искать не въ увеличившихся размѣрахъ его добычи, а въ мѣрахъ, исскуственно созданныхъ, благодаря переходу Германіи къ золотой валютѣ. Хотя золотая валюта и существовала въ Англіи съ начала нынѣшняго столѣтія, но пока фактически (въ 1873 г.) не была измѣнена французская двухмонетная система Англія могла всегда, черезъ посредство французскаго банка, производить размѣнъ своего серебра на золото. Такимъ образомъ, по мнѣнію биметаллистовъ, главный виновникъ сверженія бѣлого металла это Германія. Ей не разрѣшается прибѣгать къ размѣну серебра во французскомъ банкѣ, между тѣмъ для Англіи этотъ банкъ въ теченіе 70 лѣтъ служилъ мѣняльной конторой; здѣсь она ликвидировала свои дѣла съ Востокомъ,

расплачивавшимся за англійскіе товары исключительно серебромъ.

Это объясненіе столь крупнаго міроваго явленія, какъ обезцѣненіе серебра, намъ кажется черезчуръ поверхностнымъ — это значитъ принимать поводъ за причину. Нѣтъ сомнѣнія, что переходъ Германіи къ золотой валютѣ содѣйствовалъ нарушенію существовавшаго отношенія серебра къ золоту, но причина этого явленія кроется гораздо глубже.

Къ сожалѣнію, поборники равноправности бѣлаго металла игнорировали всѣ остальныя причины, приведшія къ кризису, и настаивали на томъ, что со введеніемъ двухмонетной системы кризисъ исчезнетъ и появится чуть ли не рай на землѣ. Эта-то односторонность биметаллистовъ привела къ тому, что всѣ, собиравшіяся въ теченіе двадцати лѣтъ, монетныя конференціи не дали никакихъ серьезныхъ результатовъ, а наоборотъ убѣдили всѣхъ, что вопросъ о валютѣ тѣсно связанъ съ интересами отдѣльныхъ группъ населенія.

Какъ мы уже указали выше, споръ о валютѣ разразился вскорѣ послѣ 1873 г., т. е. съ момента прекращенія свободной

чеканки серебра въ предѣлахъ латинскаго монетнаго союза; но биметаллическая теорія и самое слово „биметаллизмъ“ появились только въ 1876 году. Отцомъ биметаллизма должно считать французскаго экономиста Чернуски (Cernuschi), выступившаго въ цѣломъ рядѣ брошюръ, въ защиту серебра, которому онъ желалъ придать значеніе монеты въ *международныхъ* платежахъ, установивъ прочное отношеніе между бѣлымъ и желтымъ маталлами.

По мнѣнію Чернуски, достаточно, чтобы Англія, Франція и Соединенные Штаты Сѣверной Америки согласились установить биметаллическій паритетъ, — и тогда всѣ остальныя государства принуждены будутъ присоединиться къ нимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ всѣ неблагопріятныя послѣдствія одномонетной системы.

Эту свою идею Чернуски защищалъ горячо на всѣхъ почти конференціяхъ и на частныхъ собраніяхъ, гдѣ обсуждался вопросъ о валютѣ.

Биметаллизмъ, числящій въ своей средѣ много весьма выдающихся ученыхъ публицистовъ, какъ напр. Эмиля де-Лавелэ, Альфонса Аллара, Манэна, управляющаго фран-

цузскимъ банкомъ Эдмонда Тери (Thery) и друг., весьма обязанъ итальянцу Чернуски, котораго Тери называетъ „le grand théoricien du bimétallisme et notre maître à tous en matière monétaire“.

Многочисленные послѣдователи Чернуски образовали почти во всѣхъ государствахъ Европы биметаллическія лиги. Во Франціи — эта лига имѣетъ свой уставъ; предсѣдателемъ ея состоитъ въ настоящее время Губеръ, а секретаремъ Эдмондъ Тери, авторъ извѣстной работы по биметаллистическому вопросу: „La crise de changes“ (Paris, 1894). Въ Англіи биметаллисты пріобрѣли немало сторонниковъ, во главѣ которыхъ должны быть поставлены Эрнестъ Зейдъ, Джибсъ и Гешенъ, авторъ извѣстнаго сочиненія по теоріи вексельнаго курса. Въ 1892 году возникла и въ Англіи биметаллистическая лига, предсѣдателемъ которой состоитъ Генри Джибсъ, а президентомъ общаго собранія Гринфель. Задача этой лиги — доказать необходимость для Англіи — согласиться съ другими государствами насчетъ установленія прочнаго отношенія между золотомъ и серебромъ.

Америка, столь долгое время боровшаяся

за биметаллизмъ, поддержаніе котораго обошлось Сѣверо-Американскимъ Штатамъ не дешево, выдвинула тоже немало приверженцевъ этой теоріи; во главѣ американскихъ биметаллистовъ стоитъ Гортонъ, делегатъ отъ Америки на многихъ монетныхъ конференціяхъ и авторъ многихъ работъ по монетному вопросу.

Германія,—по милости которой, по мнѣнію биметаллистовъ, фактически установилась въ Европѣ золотая валюта,—выдвинула очень многихъ выдающихся защитниковъ биметаллизма. Со свойственной нѣмцамъ Gründlichkeit нѣмецкіе биметаллисты вооружились эрудиціей для того, чтобы побороть своихъ противниковъ. Глава нѣмецкихъ биметаллистовъ, д-ръ Арендтъ, посвятилъ выясненію этото вопроса много весьма дѣльныхъ работъ, какъ напримѣръ, его извѣстная книжка: Die „Vertragsmässige Doppelwährung", которая можетъ быть названа катехизисомъ биметаллизма. Этотъ неутомимый поборникъ двухмонетной системы не перестаетъ полемизировать съ выдающимися защитниками золотой валюты, причемъ особенно достается Бамбергеру, Зеетберу и др. Для цѣлей пропаганды, имъ

основанъ журналъ „Deutsches Wochenblatt“; кромѣ того, онъ состоитъ душой имъ же основаннаго „Verein für Internationale Doppelwährung“. Этотъ „Verein“ издаетъ спеціальный журналъ, посвященный биметаллизму.

IV.

Такова та „артиллерія,“ съ какой биметаллисты выступили на борьбу съ защитниками золотой валюты. Эти послѣдніе придерживаются оборонительной политики и далеко не такъ сплочены, какъ биметаллисты. Изрѣдка появляются боевыя брошюры и изъ лагеря монометаллистовъ, но въ общемъ они меньше кричатъ, меньше волнуются; это объясняется отчасти тѣмъ, что они хозяева позиціи и до тѣхъ поръ, пока не завидятъ грозящей имъ опасности, будутъ придерживаться выжидательной политики.

Всѣ происходившія до сихъ поръ монетныя конференціи были собираемы по иниціативѣ биметаллистовъ, а ихъ противники являлись на эти конференціи скорѣе въ качествѣ экспертовъ. Первая монетная конференція собралась въ 1878 году въ Пари-

жѣ, по инициативѣ Чернуски. Эта конференція не дала никакихъ существенныхъ результатовъ, такъ какъ биметаллисты были въ меньшинствѣ, притомъ основы двухмонетной системы не были тогда еше достаточно ясно формулированы. Черезъ три года собралась новая конференція въ Парижѣ (въ 1881 г.). Здѣсь биметаллизмъ пріобрѣлъ значительное число сторонниковъ даже среди офиціальныхъ представителей, которые склонялись въ пользу возвращенія серебру его прежняго значенія и установленія опредѣленнаго отношенія къ золоту. Для практическаго осуществленія этой идеи, необходимо, чтобы важнѣйшія державы согласились чеканить серебряную монету и возстановить размѣнъ серебра на золото. Эти pia desideria второй конференціи не были осуществлены и даже не было сдѣлано попытки къ ихъ осуществленію, такъ какъ вскорѣ убѣдились, что вопросъ о валютѣ не можетъ быть рѣшенъ на почвѣ теоріи: здѣсь замѣшаны разнородные интересы, и до тѣхъ поръ, пока эти интересы будутъ существовать, соглашеніе едва ли состоится. Въ слѣдующемъ 1882 году состоялся съѣздъ однихъ только биметаллистовъ въ Кельнѣ, и само

сабой разумѣется, что они не могли постановить другаго рѣшенія, кромѣ необходимости перейти къ двухмонетной системѣ.

Въ 1887 году, въ Англіи была образована королевская комисія для изученія монетнаго вопроса. Эта комисія, состоявшая изъ 12 лицъ, не пришла къ единогласному рѣшенію, причемъ одна половина членовъ высказалась за золотую валюту, а другая половина за биметализмъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Бальфуръ. Въ рѣшеніи этой комисіи заслуживаетъ вниманія одно обстоятельство, доказывающее, насколько вопросы валюты тѣсно связаны съ интересами отдѣльныхъ группъ населенія. Безусловные защитники золотой валюты высказались за необходимость установленія двухмонетной системы повсюду, кромѣ Англіи. Ученые члены этой комисіи хорошо понимали, что если остальныя державы перейдутъ къ биметаллизму, то Англія не останется въ накладѣ.

Во время всемірной выставки въ Парижѣ, въ 1889 г., былъ собранъ, по инициативѣ Чернуски, „вольный монетный конгрессъ“, во время котораго выяснилось, что биметаллизмъ имѣетъ больше всего сторон-

никовъ во Франціи. Здѣсь, между прочимъ, обнаружился нѣкоторый расколъ среди биметаллистовъ, такъ какъ теорія Чернуски была отвергнута. Этимъ конгрессомъ былъ объявленъ конкурсъ съ преміей въ 10 т. фр. за лучшую работу по вопросу о валютѣ, причемъ въ основу заданной темы было положено начало, выработанное Чернуски, т. е. существовавшее ранѣе во Франціи отношеніе между обоими металлами.

Лучшее рѣшеніе вопроса было представлено голландскимъ ученымъ Рохуссеномъ, которому была присуждена премія, хотя выводы его далеко не совпадали съ выводами Чернуски. Премированный авторъ не согласился съ отцомъ биметаллизма по вопросу о необходимости заранѣе установить прочное отношеніе между двумя металлами, подобно существовавшему ранѣе во Франціи, а предложилъ приступить къ переговорамъ относительно введенія двухмонетной системы, причемъ отношеніе золота къ серебру должно быть установлено договаривающимися державами. Само собой разумѣется, что, благодаря сильному паденію цѣны серебра, весь центръ тяжести вопроса переносится на установленіе, при существую-

щихъ условіяхъ, выгоднаго для всѣхъ отношенія между этими металлами.

V.

На брюссельской конференціи 1892 года, собранной по инціативѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки, какъ разъ въ то время, когда цѣна серебра сильно упала и проявилась тенденція къ еще большему пониженію, предложенное ранѣе Чернуски отношеніе золота къ серебру (1 къ $15^1/_2$) было совершенно отброшено. Во время засѣданій были выслушаны доклады, въ которыхъ сдѣланы попытки установить такое отношеніе между золотомъ и серебромъ, которое соотвѣтствовало бы тогдашнему положенію серебрянаго рынка. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ проэктъ англійскаго делегата А. Ротшильда, который предложилъ, въ видѣ подготовительной мѣры къ установленію прочнаго отношенія между обоими металлами, чтобы Соединенные Штаты Сѣверной Америки продолжали покупать ежегодно,—какъ до отмѣны билля Шермана,—54 мил. унцій серебра и перечеканивали бы это серебро въ монету, а европейскія государства

въ свою очередь должны въ теченіе 5 лѣтъ пріобрѣтать ежегодно серебра на сумму 5 мил. ф. ст., до тѣхъ поръ, пока цѣна этого металла не достигнетъ 43 пенсовъ за унцію, т. е. возрастетъ на 40% противъ существовавшей тогда цѣны (въ $30^{1}/_{2}$ пенсовъ за унцію). Этотъ проектъ Ротшильда не встрѣтилъ сочувствія, ни въ средѣ американскихъ, ни въ средѣ европейскихъ делегатовъ. Первые находили невыгоднымъ для себя продолжать закупки серебра, такъ какъ эти закупки обременяли казну значительнымъ расходомъ; вторые же, хотя и не высказались опредѣленно, но, повидимому, не вѣрили въ возможность осуществленія этого проэкта.

Той же брюссельской конференціи былъ представленъ другой не менѣе интересный докладъ вѣнскаго профессора д-ра Герцки, который предложилъ чеканить монету изъ смѣси золота и серебра въ опредѣленной пропорціи и эту монету сдѣлать обязательнымъ платежнымъ знакомъ. Эта мысль Герцки была встрѣчена очень холодно, такъ какъ она показалась уже слишкомъ искуственной, причемъ она не устраняла самаго главнаго затрудненія, - а именно вопроса объ установленіи выгоднаго для всѣхъ от-

ношенія между слитыми металлами въ изобрѣтенной имъ новой монетѣ. Не болѣе удачнымъ представляется проектъ Вольфа, который предложилъ выкупить въ казну всѣ серебряные рудники, для того чтобы договаривающіяся между собой державы могли установить количество поступающаго на рынокъ серебра соотвѣтственно ранѣе установленному отношенію между бѣлымъ и желтымъ металлами. Этотъ проектъ не даетъ отвѣта на вопросъ, поэтому и не встрѣтилъ сочувствія.

Чтобы покончить съ брюссельской конференціей, слѣдуетъ еще отмѣтить проэктъ извѣстнаго знатока валюты Зеетбера, который предложилъ чеканить тяжеловѣсныя серебряныя монеты стоимостью не ниже 60 марокъ; эти монеты не поступятъ въ оборотъ, а взамѣнъ ихъ должны быть выпущены сертификаты. На первый взглядъ этотъ проэктъ кажется не совсѣмъ понятнымъ, но если принять во вниманіе, что цѣль этого проэкта заключается въ поднятіи цѣны серебра, то мысль автора становится ясной. Излишнее количество серебра будетъ перечеканиваемо въ тяжеловѣсную монету, вслѣдствіе чего эти излишки будутъ отвлечены

отъ рынка и вмѣстѣ съ тѣмъ не будутъ вліять на цѣну серебра на лондонскомъ рынкѣ. Слабая сторона этого проэкта заключается въ томъ, что онъ нисколько не устраняетъ господствующаго серебрянаго кризиса, такъ какъ существующая нынѣ серебряная монета прежде всего будетъ перечеканена въ изобрѣтенные Зеетберомъ тяжеловѣсные серебряные кружки, называемые имъ монетой.

Такимъ образомъ, и брюссельская конференція,—какъ всѣ прежнія монетныя конференціи,—не подвинула впередъ вопроса о валютѣ. Делегаты разъѣхались съ глубокимъ убѣжденіемъ, что найти какой либо modus vivendi между сторонами, заинтересованными въ примѣненіи той или другой монетной системы, довольно трудно,—почти невозможно. Ни одно государство не желаетъ взять на себя иниціативы—ввести двухмонетную систему; всѣ ждутъ, что скажетъ Англія, которая, повидимому, совершенно довольна своей золотой валютой, хотя ничего не имѣетъ противъ того, чтобы другія страны перешли къ двухмонетной системѣ.

Въ 1894 году, въ первыхъ числахъ мая (2-го и 3-го), собралась въ Лондонѣ новая

конференція, состоявшая по преимуществу изъ сторонниковъ биметаллизма. Здѣсь биметаллисты повторяли свою старую пѣсню на новый ладъ, причемъ имъ удалось привлечь на свою сторону нѣкоторую группу англійскихъ промышленниковъ, которые ранѣе были приверженцами золотой валюты. Эти послѣдніе отказались отъ поклоненія своему прежнему золотому тельцу опять таки не по теоретическимъ соображеніямъ; они убѣдились, что существующая на востокѣ, исключительно серебряная, валюта равносильна таможенной пошлинѣ и побуждаетъ восточные народы созидать собственную промышленность, что наноситъ вредъ англійскимъ неофитамъ биметаллизма изъ торгово-промышленнаго класса. Само собой разумѣется, что и эта конференція не подвинула вопроса о валютѣ. Не больше пользы дѣлу биметаллизма принесла „нѣмецкая серебряная комисія“, созванная въ 1894 г. графомъ Каприви. Отдавъ дань прусскимъ аграріямъ и напечатавъ три громадныхъ фоліанта своихъ трудовъ, эта комисія закончилась ничѣмъ, такъ какъ еще на брюссельской конференціи 1892 года германскій делегатъ заявилъ, что Германія вполнѣ довольна своей

монетной системой и не имѣетъ никакого намѣренія измѣнять ее.

VI.

Нужно думать, что предстоящая монетная конференція, которая будетъ собрана по инициативѣ германскаго правительства, опять закончится ничѣмъ, но зато имперскій канцлеръ удовлетворитъ самолюбію прусскихъ юнкеровъ, которымъ будетъ предоставлена возможность въ сотый разъ оповѣстить мѣру о своемъ бѣдственномъ положеніи, являющемся результатомъ существующей въ Германіи монетной системы.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ и о нашемъ отечествѣ. Предстоящая реформа денежнаго обращенія взволновала и нашихъ финансистовъ, которые выступили въ защиту биметаллизма. „Вѣстникъ Европы" предоставилъ г. Слонимскому свои страницы для защиты серебряной валюты. Къ сожалѣнію, этотъ публицистъ ломаетъ копья понапрасну, такъ какъ золотой монометаллизмъ не исключаетъ возможности чеканить полноцѣнную серебряную монету, которая будетъ имѣть хожденіе на внутреннемъ рын-

кѣ. Тотъ монометаллизмъ, съ которымъ борется г. Слонимскій, нигдѣ не существуетъ и, вѣроятно, у насъ не будетъ введенъ; поэтому его опасенія совсѣмъ неосновательны, и онъ борется съ вѣтряными мельницами. Одновременно съ появленіемъ статей г. Слонимскаго, намъ доставлена брошюра харьковскаго профессора И. П. Сокальскаго озаглавленная: „Реформа на очереди". Почтенный профессоръ является убѣжденнымъ сторонникомъ двухмонетной системы и его брошюра, скорѣе научный трактатъ, даетъ весьма яркую характеристику современнаго состоянія вопроса о валютѣ. Къ сожалѣнію. въ этой работѣ г. Сокальскаго о Россіи почти не говорится и нашъ читатель остается въ недоумѣніи насчетъ того, какая система для насъ выгоднѣе?

Разсѣять это недоумѣніе довольно трудно, такъ какъ и у насъ въ монетной реформѣ заинтересованы различныя группы населенія,—но пока вся Европа держится фактически созданнаго золотаго монометаллизма, не въ нашихъ силахъ измѣнить существующій порядокъ. Мы вынуждены приноровляться къ условіямъ міроваго рынка; во

внутреннихъ же оборотахъ вопросъ о выборѣ металла имѣетъ чисто техническій характеръ; поэтому экономическіе споры о немъ лишены серьезности.

Оглавленіе.

Сочиненія А. С. Залшупина.

Долги или подати (финансовый очеркъ) оттискъ изъ Экономическаго журнала 1889 г.

Очеркъ теоріи государственнаго кредита С.-Петербургъ 1892 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Вопросы банковой политики (къ реформѣ денежнаго обращенія) С.-Петербургъ. Ц. 1 р. 1896 г.

